

Россия как плебисцитарная демократия*

Григорий Юдин

Кандидат философских наук, директор Центра современных политических исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Профессор, Московская высшая школа социальных и экономических наук
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, стр.1, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: gregloko@yandex.ru

В российской политической системе ключевую роль играют электоральные процедуры (выборы, голосования, опросы). Это создает трудность для современной политической науки при попытке классифицировать Россию: как столь активное обращение к голосу народа совмещается с очевидной деполитизацией и персоналистской властью? Описание российского политического режима как промежуточного, неполноценного на шкале демократии не позволяет объяснить ни его электоральный энтузиазм, ни его устойчивость. В данной статье для описания российской системы используется теория плебисцитарной демократии. Комбинация монархической власти и всеобщего избирательного права возникает во Франции периода Второй империи, а впоследствии получает глубокую теоретическую разработку в Веймарской Германии. Плебисцитарная демократия позволяет обеспечить прямую демократическую легитимность сильного лидера и при этом предельно сократить политическую роль масс в условиях быстрого и резкого расширения избирательного права. В работе излагаются основные принципы и внутренние противоречия плебисцитарных режимов. Также показано, что плебисцитаризм сохранил сильное влияние на современную политическую науку через господствующее минималистское определение демократии, введенное Й. Шумпетером под воздействием плебисцитарных идей М. Вебера и К. Шмитта. Это определение способствует электорализации современной демократии и ее дрейфу в сторону плебисцитаризма. Россия XXI века рассматривается как пример радикальной реализации плебисцитарной демократии, обозначаются основные тенденции развития плебисцитарной системы.

Ключевые слова: плебисцитарная демократия, Макс Вебер, Карл Шмитт, Наполеон III, Йозеф Шумпетер, диктатура, минимальная демократия, легитимность, цезаризм, аккламация, Россия

Российская политическая система представляет проблему для современной политической науки, и эта проблема связана с категорией «демократии». В начале 1990-х демократия понималась преимущественно в рамке «демократизации», то есть движения («транзита») в направлении, изначально заданном внутренней логикой модернизации политических систем. Поэтому Россию было принято описывать как систему на пути демократизации — от авторитаризма к демократии

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

(Schmitter, Karl, 1994)¹. Однако уже менее чем через десять лет после краха социалистического блока стало ясно, что эта теоретическая рамка неудовлетворительна. В России, как и в ряде других стран, не происходило ожидаемого перехода к демократическому стандарту, а, напротив, наблюдался откат либо движение в каком-то ином направлении (Carothers, 1997, 2002).

Концептуальным ответом стало появление целой плеяды терминов, характеризующих квазистабильные состояния между демократией и авторитаризмом. Эти состояния получили названия «гибридных режимов» (Diamond, 2002), поскольку они странном образом сочетают в себе формальные черты демократических режимов (в первую очередь выборы) и реальную атмосферу авторитаризма, то есть невозможность сменить власть. Для описания гибридных режимов пришлось, в свою очередь, вводить гибридные термины, чтобы описать случаи, не поддающиеся классификации. Применительно к России используются такие гибридные термины, как «конкурентный авторитаризм» (Levitsky, Way, 2002), «электоральный авторитаризм» (Golosov, 2011; Gel'man, 2014), «нелиберальная демократия» (Zakaria, 2003) и даже «демократический авторитаризм» (Brancati, 2014)².

Камнем преткновения для этого направления исследований стали именно выборы. Хотя исследователи еще на раннем этапе «транзита» предупреждали об опасности «ошибки электорализма», то есть сведения демократии к выборам (Schmitter, Karl, 1991: 78), ощущение несовместимости выборов с полноценным авторитаризмом вызывало потребность объяснить, как авторитарное правление может сосуществовать с главным демократическим институтом. В результате появилась обширная литература на тему «функции выборов без демократии», основными выводами которой стало то, что выборы в автократических системах играют роль источника информации и обмена сигналами, а также позволяют «сохранять лицо» на внешней арене (Geddes, Wright, Franz, 2018: 151; Gandhi, Lust-Okar, 2009; обзор см. в: Morgenbesser, 2016: 9–33). Поскольку выборы рассматриваются как хотя и недостаточное, но необходимое условие демократии, авторитарные режимы изучаются на предмет того, как и с какими целями им приходится сохранять выборы и перестраивать их под свои цели.

С этой точки зрения российская политическая система вызывает затруднения. Вовсе не рассматривая выборы как неизбежное зло, она активно проводит выборы с множеством участников, на которых сменяются выборные лица, включая прези-

1. См. также обзор русскоязычной литературы, выполненный В. Гельманом (1997), где можно видеть, как пессимизм в отношении российской демократизации не означал отказа от линейной схемы «авторитаризм — демократия».

2. Сама эта терминология уже указывает на теоретические трудности, поскольку предполагает сочетание категорий, которые традиционно рассматривались как принципиально противостоящие друг другу (Linz, 2000: 51, 53). Если относиться к «демократии» и «авторитаризму» как к идеальным типам, то все эмпирически наблюдаемые режимы в той или иной степени гибридные. Если же это все-таки фундаментально противоположные способы организации общества, то их сочетание выглядит как «несвободная свобода» и заставляет пересмотреть теоретические основания оппозиции демократия/авторитаризм.

дента. Более того, в России использование различных электоральных форм гораздо более развито, чем во многих странах-ориентирах: легитимность президента покоится на стабильно высоких цифрах голосования и опросов общественного мнения, действует многопартийный парламент, проводятся плебисциты (в том числе в форме опросов)³, активно развиваются технологии электронного голосования. Несомненно, к честности и свободности российских выборов нередко предъявляют претензии, однако это не должно заслонять электорального энтузиазма российской системы: если выборы — ядро понимания демократии, то российскую систему можно назвать ультрадемократической⁴. Эволюция демократии в направлении более частого, более разнообразного, более доступного и технологически продвинутого голосования делает Россию одним из заслуженных лидеров демократического развития.

В то же время крайне низкий уровень гражданского участия, массовый абсентеизм, отчужденность граждан от политической системы, а также демонстративно персоналистский и иерархичный характер режима — все это заставляет усомниться в том, что Россия по существу является демократией. Почему режим, столь показательно осуществляющий принцип наделения властью через голосование, так мало напоминает демократию? Может ли быть, чтобы развитие институтов голосования не просто не означало укрепления народовластия, но находилось с ним в обратной зависимости?

Понимание института выборов как ядра демократической политики происходит из знаменитого «минимального» определения демократии, предложенного в 1942 году Йозефом Шумпетером. Сводя демократию к «политическому устройству для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей», Шумпетер подчеркивал, что дает однозначный процедурный критерий для различения демократий и недемократий (Шумпетер, 2008: 667). Чтобы понять, почему последовательное воплощение шумпетерианского принципа дает очевидно недемократический результат, следует разъяснить истоки этого взгляда на демократию.

В этой статье мы покажем, что за концепцией минимальной демократии стоит интеллектуальная традиция плебисцитаризма, изначально пронизанная глубоким скептицизмом в отношении демократического правления и ушедшая в тень (но не потерявшая влияния) в середине XX века. Поэтому радикализация электоральной модели, которую мы наблюдаем в современной России, создает не противоречивое сочетание автократического режима и демократических институтов (выборов), а устойчивый плебисцитарный режим. Идея «гибридности» вводит в заблуждение

3. Самым ярким примером стал знаменитый «крымский опрос» (Юдин, 2014), однако и регулярные опросы общественного мнения выполняют плебисцитарную функцию. Подробнее об этом далее.

4. Именно эту логику развивают либеральные критики, считающие российскую систему отклонением от либеральной демократии в сторону эксцесса демократии (Zakaria, 2003).

не только потому, что содержит в себе обещание «перехода к демократии»⁵, но и потому, что за ней стоит нормативная теория демократии, которая принимается неререфлексивно и незаметно отождествляет демократию с электоральными процедурами.

Между тем метафора «гибрида» интуитивно схватывает сложный, композитный характер российского политического режима. Вместо категории «гибрида» как случайной мутации мы будем использовать понятие «синтез» и продемонстрируем, что плебисцитарная демократия сознательно задумывалась как синтез монархического и демократического принципов. Логика изложения в этом тексте такова: сначала будет показано, как этот синтез возник в XIX веке в рамках бонапартистских режимов и сопутствующей дискуссии о соотношении демократии и цезаризма. Далее мы проследим генеалогию доктрины плебисцитарной демократии от бонапартистских истоков до ее расцвета в Германии и США в межвоенный период в XX веке. Затем мы продемонстрируем, каким образом плебисцитарная традиция, несмотря на ее дискредитацию вождистскими режимами, сохранила воздействие на политическую науку и повлияла на господствующие представления о демократии и способы ее измерения. После этого мы перейдем к характеристике России как плебисцитарной демократии. Наконец, в заключение мы покажем, почему взгляд с позиций плебисцитарной демократии позволяет лучше понять эволюцию политических систем в последние десятилетия, и кратко оценим перспективы плебисцитаризма.

Всеобщее избирательное право и демократическая монархия

Хотя выборы были институтом системы представительства с самого начала формирования современных политических форм, ключевое значение для нашего сегодняшнего понимания выборов имели события во Франции в 1848 году. Именно тогда впервые в одной из ведущих европейских стран выборы прошли в той форме, в которой они известны нам сегодня, — как прямое всенародное⁶ голосование по кандидатурам на пост главы исполнительной власти (Rosanvallon, 2015: 138–139). Вопрос о верховном правителе был напрямую отдан на откуп народу в условиях беспрецедентно резкого расширения избирательного права⁷.

5. Этот телеологизм не раз критиковался как наследие парадигмы демократизации (см., напр.: Levitsky, Way, 2010: 4), однако он остается не преодоленным в силу того, что сохранилась концептуальная рамка, предполагающая континуум между авторитаризмом и демократией. «Гибридные» режимы в этой перспективе предстают отдельными, но неполноценными образованиями. Они изучаются с позиций идеально-типической полноценной демократии и собственной ценностью не обладают.

6. Правом голоса обладали только совершеннолетние мужчины.

7. Первые попытки ввести всеобщее избирательное право для мужчин во Франции предпринимались еще в рамках радикальных конституционных проектов 1792–1793 гг., однако де-факто они не были реализованы. «Конституционные голосования» Наполеона I (в 1800, 1802, 1804 и 1815 гг.) предполагали право голоса для мужчин старше 21 года, однако располагали к крайне низкой явке и были в значительной степени сфальсифицированы (Crook, 2003). В эпоху Реставрации на выборах в парла-

В политической теории следствием этого стали дебаты о цезаризме. В течение многих веков фигура Цезаря последовательно демонизировалась республиканскими мыслителями как символ морального и политического краха Римской республики (Baehr, 2008: 16). Спустя два года, еще до переворота, положившего во Франции конец Второй республике, Огюст Ромье написал сочинение «Эра Цезарей», очевидно вдохновленное фигурой французского президента Луи Бонапарта. Возвышение Бонапарта он объяснял неизлеченной раной поражения армий Наполеона, о которой помнил французский народ и совершенно забыли либеральные интеллектуалы. Победа Бонапарта на выборах символизировала для Ромье «выбор между пушками и речами», который сделали французы (Romieu, 1850: 29).

Тоску по порядку и славе как предпосылки бонапартистской диктатуры отмечали многие наблюдатели. Как выразился Карл Маркс, французов «от опасностей революции потянуло назад к египетским котлам с мясом» (Маркс, 1957: 121). Однако фигура Цезаря возникает не просто как символ диктатора, преодолевающего рознь и приносящего стабильность, но как диктатора, опирающегося непосредственно на народный суверенитет. Появление голосующих масс как фундамента для диктатуры стало новацией. Если Наполеон I еще вписывался в образ генерала-триумфатора, поддержанного массами, то после возвышения Луи Бонапарта, не слишком удачливого и отчасти даже нелепого политика⁸, до постов президента и выборного императора многим стало ясно, что электоральная диктатура — принципиально новый феномен, пришедший в европейскую политику вместе с массовой демократией.

Демократические основания цезаризма становятся предметом активного обсуждения. Ромье делает важный шаг, противопоставляя демократию республике: вопреки республиканцам он настаивает на том, что в основании Римской империи лежал «совершенно демократический принцип». Император отличался от остальных

мент были введены жесткие цензы, лишь незначительно сниженные во время Июльской монархии. Реально всеобщее избирательное право для мужчин и женщин будет введено только в 1944 году.

В целом весь XIX век в странах Европы и Америки представлял собой борьбу за расширение избирательного права, которая поэтапно достигала успеха и завершилась почти полной победой вскоре после Первой мировой войны. Так, в Великобритании волнения рабочих, требующих права голоса, начались в 1819 году, и в 1832-м доля голосующих увеличилась с 4 до 20% населения. Движение чартистов задавало тон в период 1838–1848 гг., однако реальный успех пришел к рабочим лишь в 1867 году. К 1918 году право голоса имели мужчины старше 21 года и женщины старше 30 лет, еще через десять лет был отменен имущественный ценз. В Германии после объединения в 1871 году действовало всеобщее избирательное право для мужчин старше 25 лет, а в 1919 году к ним одновременно присоединились женщины, возраст активного участия был снижен до 20 лет. В США основная динамика была связана с включением населения в функционирование коллегии выборщиков, а также с борьбой за право голоса для черных — формально завершившейся успехом в 1870 году, но пережившей существенный откат в форме цензов (так называемые «законы Джима Кроу»), которые были отменены лишь к 1964–1965 гг. Женщины в возрасте 21 года получили право голоса в 1920 году. В России Дума в 1905 году выбиралась по сложной куриальной системе, однако в 1917-м было введено всеобщее избирательное право. Впоследствии большевистское правительство ограничило его для лиц, живущих на нетрудовые доходы, но восстановило в Конституции 1936 года.

8. Достаточно вспомнить две его авантюристические попытки организовать переворот в 1836 и 1840 годах, закончившиеся сначала изгнанием, а затем тюремным заточением на шесть лет.

ных лишь тем, что командовал армией и имел полномочия народного трибуна (Romieu, 1850: 32–33). Сам Бонапарт обращал внимание на то, что система, фундамент которой заложил его дядя, сочетает в себе два принципа — демократический (равенство) и иерархический (порядок). Причем под демократией понимается народный суверенитет: «Коротко характеризуя имперскую систему, можно сказать, что ее основание — демократическое, поскольку вся власть происходит от народа, а ее организация — иерархическая, поскольку в обществе есть разные уровни» (Bonaparte, 1859: 121).

Бонапартистское понимание авторизации правителя народом реализуется в электоральных процедурах. Важнейшим институтом Второй империи становятся плебисциты, которые Бонапарт всякий раз выигрывал так же уверенно, как выиграл выборы в 1848 году. Каждый из трех плебисцитов позволял ему заново обрести необходимую демократическую легитимность для изменения политической системы — в 1851 году полномочия Бонапарта были продлены до десяти лет, в 1852 году он стал императором, а в 1870 году были одобрены либеральные конституционные реформы. Бонапарт последовательно выступал за расширение избирательного права, и его оппозиция принятому 31 мая 1850 года закону, сокращающему число избирателей согласно критерию оседлости, в значительной степени укрепила его положение в ходе переворота 1851 года. При этом даже во время плебисцита 1870 года, результатом которого стала либерализация Конституции, сохранялась пассивная роль народа — он не был инициатором голосования и не влиял на формулировку вопросов, но только откликнулся на решение императора (Уварова, 2014: 95).

Приход масс во французскую политику был внезапным. Хотя всеобщее избирательное право для мужчин уже было реализовано в послереволюционные годы, уровень участия в плебисцитах Наполеона I был невысоким, и последующее сужение базы избирателей было во многом предсказуемым откатом. Во времена Июльской монархии сторонники восстановления всеобщего избирательного права были в меньшинстве и рассматривали это лишь как долгосрочную задачу (Rosanvallon, 1992: 201). Поэтому в 1848 году появление народа как ключевого игрока оказалось во многом неожиданным — для подавляющего большинства политиков, от либералов до социалистов и республиканцев, этот новый формат политики был незнакомым. Такая непривычная роль стала сюрпризом и для самого народа. В этих условиях цезаристская политика оказалась наиболее соответствующей новой модели демократии и обеспечила Бонапарту сенсационную победу на выборах.

Народный суверенитет, воплощенный в избирательном праве, стал философским основанием не только для общенациональных плебисцитов, но и для системы местных выборов в рамках Второй империи. Бонапарт учредил централизованную систему префектов, перехватил право назначать мэров, а также муниципальные советы в крупных городах. Тем не менее прямые выборы и голосования оставались для бонапартистского режима ключевым институтом и обе-

спечивали легитимность управленцев на местах. Префекты предлагали в центр на утверждение кандидатуры на выборные должности (обычно на должности членов муниципальных советов), после чего административный ресурс направлялся на обеспечение необходимой поддержки для согласованного кандидата. «Как только объявлялся официальный кандидат, у всех должностных лиц оставалась только одна мысль и одна цель — обеспечить этому кандидату успех. Супрефекты, мэры, мировые судьи, комиссары полиции, школьные учителя, сборщики налогов, работники государственных корпораций, церковнослужители, дорожные рабочие, участковые полицейские, почтальоны, торговцы табаком — для всех них эта кандидатура становится предметом постоянной заботы» (de la Borderie, 1867: 14, цит. по: Nazareesingh, 2004: 136). Важнейшим ресурсом для кандидатов становилась поддержка Бонапарта или хотя бы близость к его окружению — это было наилучшим аргументом при агитации.

Последствия введения электоральной демократии привели в замешательство французских республиканцев, которые лоббировали всеобщее избирательное право со времен Революции. Цезаризм оказался его непредвиденным последствием. В то же время по ту сторону Рейна бонапартистская система быстро вызывает интерес — несмотря на то что среди немецких консерваторов преобладает ее негативная оценка (в основном по причине немецкого национализма), часть из них обращает внимание на то, что принцип авторитета получил в ней новое, соответствующее обстоятельствам времени основание. Если последовательные легитимисты презирали Бонапарта за подрыв наследственной монархии, то более тонко мыслящие консерваторы увидели, что благодаря всеобщему избирательному праву появляется перспектива установления «демократической монархии», авторитарного правления на демократическом фундаменте (Gollwizer, 1987: 371–372).

Переосмысление фигуры Цезаря, происходившее в Европе середины XIX века, в немалой степени было связано именно с выходом на арену масс и распространением избирательного права. Теодор Моммзен в своей «Истории Рима» дал неожиданно хвалебный портрет Цезаря. Цезарь, хотя и завершает цикл республики фактическим восстановлением в Риме монархии, все же при этом является демократическим правителем: «Он оставался демократом даже тогда, когда сделался монархом... его монархия так мало расходилась с демократией, что казалось, будто последняя получила свое осуществление и завершение именно благодаря первой» (Моммзен, 1941: 320). Отношение влиятельного немецкого историка к Бонапарту было амбивалентным, однако он не скрывал зависти к соседней стране, которая получила в правителе такого «великого преступника» (Gollwizer, 1987: 385–386). Неудивительно, что впоследствии возникают аналогии между Цезарем и Бисмарком — в них косвенным образом сопоставляются типы политического лидерства, воплотившиеся в фигурах Бисмарка и Бонапарта.

По мере того, как массовая демократия распространяется по континенту, демократическая монархия постепенно перестает рассматриваться как эксцесс французской революционной культуры и превращается в теоретическую проблему.

Один из лидеров немецкой исторической школы Вильгельм Рошер, опираясь на циклические теории режимов Аристотеля и Полибия, считает, что демократия естественным образом разрешается в цезаризм. Расширение избирательного права выступает как реализация демократического принципа равенства, и в условиях современного государства возникает тенденция к разрушению многоуровневой иерархической системы представительной демократии. В результате цезаризм оказывается радикализацией одновременно демократического равенства и монархического абсолютизма — это «двуликий Янус», в котором требующая равенства масса и не ограниченный ничем правитель усиливают друг друга (Roscher, 1888: 646).

В целом во второй половине XIX века возникает устойчивое представление о том, что массовое избирательное право принесло с собой возможность сочетания демократии и монархии, которая становится искушением для обществ, уставших от безвременья фракционной борьбы и мечтающих о возвращении порядка и былой славы. Впрочем, электоральная политика развивается постепенно, и становление цезаристских систем сдерживается: в Третьей Республике президент выбирается не всенародно, а парламентом; в США резкое расширение избирательного права для черных воспринимается как угроза и быстро ограничивается. Это торможение отражается и в теории: цезаризм интерпретируется скорее как эксцесс демократии — как реализация угрозы «демократического деспотизма», столь беспокоившей либералов середины века, Милля и Токвиля (Richter, 2004). Идея сделать цезаристское правление основой нормативной теории демократии возникает уже в XX веке.

Диктатор с поля предвыборной борьбы

В 1895 году Макс Вебер во время инаугурационной речи при получении профессуры во Фрайбурге выразил сожаление, что цезаризм Бисмарка лишил немецкую элиту политической воли, обнажил в ней «мелкие страсти политических эпигонов». «Могущественное солнце» Бисмарка «выжгло медленно растущую способность бюргерства к политическим суждениям», так что теперь часть буржуазии сложившаяся рука ожидает нового Цезаря (Вебер, 2003а: 34). Здесь Вебер обращает внимание на губительные для политики последствия цезаризма; однако пройдет двадцать с небольшим лет, и он посмотрит на дело совсем иначе.

США долгое время считались защищенными от цезаризма благодаря своей федеративной системе⁹, и обителью цезаризма выглядела централизованная Франция. Однако исследование партийной системы Америки, проведенное Моисеем Острогорским, по-новому поставило вопрос о функциях выборов в демократиче-

9. Джеймс Брайс писал, что «цезаризм — последняя опасность, которая угрожает Америке. Нет ни одной нации с более прочным гражданским порядком. Нет нации, более чуждой воинственному духу. Ни одна политическая система не могла бы оказать большего сопротивления попытке создать регулярную армию или централизовать управление» (Бруссе, 1995: 1244).

ской системе. Острогорский продемонстрировал, как организация американской и британской партийной политики способствует концентрации власти в руках лидеров партий, а неформально — в руках «боссов», которые обеспечивают кандидатам голоса в ходе партийных кокусов и выборов. Это привело Острогорского к достаточно резкому заключению о сущности демократии

Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. (Острогорский, 1997: 551)

Острогорский усилил свой анализ партийной системы понятием «машины». Под электоральной машиной понимается превращение партийной организации в иерархическую систему из нескольких уровней, управляемую политическими боссами и работающую на достижение электоральных целей¹⁰. Из перспективы машины электоральная мобилизация выглядит как логистическая операция — каждый элемент аппарата несет свою ответственность за собственную часть избирателей, и привлекают их с помощью «коррупции и обольщения» (Острогорский, 1997: 433). Этот взгляд с административной точки зрения развенчивает иллюзии о демократии как самоуправлении посредством всеобщего избирательного права. Острогорский защищает демократию с иных позиций — он видит роль масс в «запугивании» правителей, а в качестве основного демократического института вместо партий предлагает профсоюзы и избирательные ассоциации. Однако в начале XX века его диагноз звучит однозначно: всеобщее избирательное право в американской (а также британской) политической системе работает не на народовластие, а на концентрацию власти в руках лидера. Этот анализ стал основой рассуждений о демократии для целого ряда политических мыслителей начала века, в том числе для Макса Вебера и Роберта Михельса.

Вебер относился к демократии куда более скептически: «волю народа» он полагал фикцией, а основанную на этой фикции демократию — утопией (Stanton, 2016: 325). Однако после Первой мировой войны, когда кайзер отрекся от престола и стало ясно, что массовое избирательное право становится ключевым фактором в немецкой политике, Вебер вернулся к идее цезаризма. Парламентская демократия,

10. В США изобретение политических машин обычно связывается с именем Мартина ван Бюрена, который создал сначала на уровне штата Нью-Йорк, а затем и на федеральном уровне первую реальную партию с аппаратом, нацеленным на мобилизацию голосов избирателей. Это позволило Эндрю Джексону выиграть выборы 1828 года, на которых резко возросла роль голосования граждан (прежде члены коллегии выборщиков определялись парламентами штатов). Еще через восемь лет эти технологии привели к президентству и самого ван Бюрена.

которая начала формироваться в Германии, вызывала у Вебера серьезные опасения своей безответственностью — она представлялась ему «господством «клики», то есть реализацией узкопартийных интересов через подконтрольные партиям части бюрократической системы. Эти два элемента — корпоративное устройство партий и наличие высокопрофессионального, но принципиально технократического чиновничества, оставляли в послевоенной немецкой политической системе гигантскую лауну: кто будет определять направление движения проигравшей войну страны? Поэтому Вебер сформулировал дилемму радикальным образом: «Выбирать можно только между вождистской демократией с „машиной“ и демократией, лишенной вождей, то есть господством „профессиональных политиков“ без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем» (Вебер, 1990: 688).

Именно этот выбор Вебер делал в качестве активного политика, коим он стал в 1918–1919 годах. Вебер имел шанс возглавить конституционную комиссию, готовившую проект Веймарской Конституции. Однако в итоге принял участие в ее работе по приглашению Хуго Пройса, и тем самым имел прямую возможность повлиять на дизайн новой конституции¹¹. Новая конституция должна была трезво подойти к объективным последствиям введения массовой демократии (женщины также получили право голоса). Поэтому рассуждения Острогорского, доказывавшие подчиненность массовой политики цезаристским вождям, стали для Вебера решением. Совместить массовое избирательное право и ответственное правление, в котором нуждалась страна, можно было с помощью реалистической модели демократии.

Термин «демократизация» может вводить в заблуждение. Сам демос как бесформенная масса никогда не «правит» большими ассоциациями, это им управляют. Единственное изменение состоит в том, как отбираются исполнительные вожди, а также какова мера влияния, которое демос, или даже социальные круги из его числа, способны оказывать на содержание и направление административных действий за счет «общественного мнения». «Демократизация» в этом смысле необязательно означает более широкое участие подданных в правлении. (Weber, 1976: 568)

Демонстративно антидемократическая позиция Вебера, с одной стороны, и неизбежность всеобщего избирательного права, с другой, приводят его к апологии цезаризма как шанса на институционализированное выдвижение сильного и от-

11. Официально работа над новой конституцией началась в ноябре 1918 года, когда задача подготовки первого варианта была возложена на статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел. Временный глава исполнительной власти Фридрих Эберт рассматривал Вебера в качестве кандидата на эту должность, однако отдал предпочтение либеральному юристу Пройсу, который уже с 1917 года предлагал конкретные идеи по изменению конституции. До того, как предложить проект профильному комитету будущего Национального собрания (избрано в январе 1919 года), Пройс в декабре проводил совещания неофициальной конституционной комиссии в ведомстве внутренних дел. Вебер участвовал в ее работе наряду с официальными лицами.

ветственного правителя средствами общенародного голосования. Этот вождь, «диктатор с поля предвыборной борьбы» (Вебер 1990: 679)¹², будет обладать легитимностью, которая сразу возвысит его и над парламентом, и над бюрократией, неспособными по-настоящему указать стране направление. Для обеспечения места диктатора Вебер лоббирует введение в конституцию поста Президента с расширенными диктаторскими полномочиями в случае объявления чрезвычайного положения, имея в виду, что основные функции Президента будут связаны именно с вмешательством в случаях кризисов через право вето или через назначение правительства (Вебер, 2003б: 402)¹³. Президент заведомо мыслится как чрезвычайный (если не по форме, то по смыслу) магистрат¹⁴.

Синтетический режим, который предлагает Вебер, — плебисцитарная демократия. Она представляет собой комбинацию опирающегося на общенародную поддержку вождя, парламента, сформированного партийными машинами, и ценностно-нейтральной бюрократии. В терминах Вебера такой режим обладает двойной легитимностью — в дополнение к легально-рациональной легитимности, инвестированной в бюрократический аппарат и парламент, возникает элемент харизматической легитимности. Критикуя либеральный взгляд на представительное правление, Вебер делает акцент на необходимости в децизионистском лидере, который должен принимать решения: без них политика невозможна, и в то же время они не могут быть обоснованы формально-рационально. Легитимность плебисцитарного лидера он трактует как «неавторитарную» версию харизматической легитимности. Если в авторитарном случае харизма приводит к «подтверждаемому признанию» правителя подданными, то в демократическом случае признание (через электоральные процедуры) является не следствием легитимности, а ее основанием (Weber, 1976: 156). Плебисцитарное господство, таким образом, отходит от мистической опоры на харизму и использует более рациональный вариант: победитель плебисцита рассматривается как легитимный харизматический лидер именно вследствие своей победы, то есть благодаря народу.

Ключом к обоснованию такого типа господства для Вебера становится особый взгляд на выборы. Хотя формально наделение харизматической легитимностью происходит через процедуру выборов, смысл этого института резко отличается от распространенного либерального понимания. Участники такого голосования не

12. В этом отличие диктатора нового типа от военных диктаторов, которые традиционно приходили с поля брани.

13. Спорной является роль Вебера в принятии 48 статьи Конституции, превратившей Веймарскую республику в череду чрезвычайных положений и впоследствии открывшей Гитлеру законную дорогу к власти. В то время как Вебер, по-видимому, не проявлял особого интереса именно к этой статье, весь суперпрезидентский каркас Конституции (включая полномочия избранного всенародным голосованием Президента, закрепленные в статье 41), из которого вытекала необходимость диктатуры, полностью обоснован именно им (Mommsen, 1974: 403; Baehr, 1989: 23–24; Eliaeson, 2000: 142).

14. В Древнем Риме чрезвычайное положение не объявлялось диктатором, однако сам диктатор представлял собой чрезвычайный магистрат, действовавший при необходимости купирования внутренних конфликтов (Kalyvas, 2007). Вебер, разумеется, хорошо знал, что между диктатурой и демократией в республиканском понимании нет никакого противоречия.

производят выбор между кандидатами с точки зрения лучшего представительства их интересов. Вместо этого они вовлекаются в процесс признания притязаний на власть претендента или действующего правителя. Хотя со стороны процесс может казаться сходным, субъективный смысл (как это понятие используется в веберовской социологии) действий его участников кардинально различается. В плебисцитарной демократии голосующие не «выбирают», но осуществляют аккламацию — подтверждение решения, объявленного лидером, и символическое принятие фигуры лидера (решение и персона лидера здесь неразделимы): «Естественно, ни о каких „выборах“ вообще нельзя говорить... когда голосование о наделении когослибо властью носит плебисцитарный, то есть харизматический характер, и, следовательно, имеет место не выбор между кандидатами, а признание притязаний на власть со стороны претендента» (Weber, 1976: 667). Выборы, таким образом, оказываются инструментом производства легитимности вождя посредством аккламации в цезаристской плебисцитарно-демократической системе.

Вебер предложил первое нормативное обоснование плебисцитарной демократии, ориентируясь на американскую систему (а точнее, на то, как она была описана Острогорским). Вместе с тем и в США после Первой мировой войны и обретения женщинами права голоса появляются отчетливые попытки обоснования плебисцитаризма. Наиболее откровенно эту позицию сформулировал Уолтер Липпман, также с подозрением смотревший на руссоистские проекты демократии и также убежденный, что правление всегда осуществляют конкретные люди, стоящие на вершине политической иерархии, — вожди. Что же касается массы, то ее компетентность по естественным причинам предельно ограничена, и единственное, на что она способна — это сказать «да» или «нет», когда ей четко поставили вопрос (Липпман, 2004: 226). В этом состоит не только реальное ограничение демократии, но и условие ее возможности. Ведь единственный способ обеспечить координацию масс — это дать им объединяющий символ; без него они не составляют никакого «демоса». Именно за это ответственен лидер, который «производит» общую волю, получая от масс поддержку сформулированного им решения.

Впрочем, взгляды Вебера и Липпмана слишком явно обнаруживали свой инструментализм в отношении демократии. Между циничным отношением к массам и апелляцией к массам очевидно противоречие: какой бы подозрительной ни выглядела идея «народной воли», для функционирования плебисцитарной демократии массы должны верить в эту фикцию. Карл Шмитт придал доктрине Вебера более радикальную форму (Mommesen, 1974: 408–409), усилив оба полюса веберовской конструкции. С одной стороны, он открыто обрисовал функции президента как диктатора, преодолевающего бессилие парламента (для Вебера парламент выступал важной школой будущих вождей), а с другой — вернул народу руссоистское измерение. Шмитт также открыто отрицает возможность демократии как коллективного самоуправления: «Господство многих над самими собой означает либо господство одних над другими, либо господство некоего высшего третьего, объемлющего обоих» (Schmitt, 2014: 67). В то же время возвращается понятие

общей воли, поскольку Шмитт мыслит народ как субстанцию, по отношению к которой государственное устройство представляет собой политическую форму. Поэтому наряду с «конституционализированным» народом, то есть народом, ограниченным в своем функционале рамками учрежденной власти (народ как большинство индивидуальных избирателей), народ существует также вне формы, как чисто политическая реальность (Шмитт, 2010: 109).

Благодаря такому пониманию народа меняется и природа аккламации. В аккламации народ проявляется публичным образом как реальное политическое единство. «Аккламация — вечный феномен всякой политической общности. Нет государства без народа и народа без аккламаций» (Schmitt, 2014: 52). Это означает, что политическое значение аккламации выходит далеко за пределы описанной Вебером инструментальной легитимации лидера¹⁵; аккламация является актом политического единения, в котором только и удостоверяется существование народа. Шмитт при этом сознательно противопоставляет плебисцитарную аккламацию тайному голосованию: по своему смыслу аккламация является публичным и коллективным действием, а не приватным и индивидуальным решением (Шмитт, 2010: 99). Поэтому в тайном голосовании участвует народ «внутри конституции», в то время как учреждающий конституцию народ участвует в аккламации. Это не следует понимать таким образом, что аккламация невозможна в условиях современных выборов. Скорее, выборы становятся моментом аккламации не благодаря своей либеральной части (частный выбор в изолюаре для голосования), а благодаря своей публичной стороне — соучастию граждан в политическом ритуале единовременно и в разделяемом пространстве, а также коммуникации с лидером (включая его обращения к народу, провозглашение и празднование результатов и т. д.). Любой подлинный плебисцит тяготеет к преодолению тайны голосования и вообще административных ограничений индивидуального волеизъявления.

Итак, функция демократической легитимации диктатора не исчезает, но приобретает содержательное наполнение: в момент аккламации происходит одновременно признание диктатора народом и политическая манифестация народа в этом волевом акте признания. Собственно, народ оказывается феноменально дан в самом этом акте, именно благодаря ему может поддерживаться разделяемое ощущение, что народ существует и «между аккламациями», в моменты, когда этому нет доказательств. Эта конструкция уточняет у Шмитта уже знакомый нам синтез

15. Шмитт обращал особое внимание на политико-теологическое содержание веберовской концепции харизматической легитимности: аккламация как элемент литургии отсылает к особой модели сакральной организации власти, восходящей в христианстве к апостолу Павлу. Шмитт даже утверждает по этому поводу, что «харизматическая легитимация апостола Павла в Новом Завете остается теологическим источником всего, что Макс Вебер социологически сформулировал относительно харизмы» (Schmitt, 2008: 41). При этом харизматическая легитимность как протестантская идея не была близка Шмитту. Акцент на литургической стороне аккламации уже указывает на то, что в аккламации не просто происходит признание лидера, но создается реальный опыт общности. Политико-теологический смысл доктрины плебисцитарной демократии с ее строгим отделением сакральной области, в которой пребывает вожь, от профанного мира эмпирического народа должен стать предметом отдельного исследования.

демократического и монархического принципов¹⁶. Принцип демократии — тождество, он реализуется во время аккламации во всеобщем равенстве избирательного права. Принцип монархии — репрезентация, без нее реальная демократия невозможна (именно поэтому, по Шмитту, невозможна «прямая» демократия), так что лидер необходим для того, чтобы представлять народное единство. В этих терминах цезаристский лидер — это «диктатор на демократическом основании». Такой режим «превращает монарха в наделенного доверием народа репрезентанта политического единства, который как таковой конституируется актом конституционно-учредительной власти народа» (Шмитт, 2010: 159). Плебисцит — институциональное решение, которое скрепляет два эти принципа. Вождь, формулируя вопрос для плебисцита (это может быть любое голосование с очевидным итогом), дает возможность предъявления народа как политического единства — поэтому результаты плебисцитов предсказуемы, удостоверяют уже принятое решение и обнаруживают «подавляющее большинство» как наилучшую количественную аппроксимацию «народа».

Возникающие в межвоенный период теории плебисцитарной демократии¹⁷ делают несколько шагов вперед по сравнению с рефлексией цезаризма во второй половине XIX века. Во-первых, они описывают плебисцитаризм как целенаправленный синтез двух принципов, считавшихся в ранней традиции несовместимыми — легально-рациональное и харизматическое господство у Вебера, монархия и демократия — у Шмитта. Если исходно при обсуждении бонапартизма это сочетание рассматривалось в рамках циклической теории режимов как дегенерация демократии в военную деспотию, то теперь речь идет о стабильном типе государственного устройства. Во-вторых, они предлагают нормативное обоснование этого синтеза. В целом оно носит выражено и целенаправленно антидемократический характер, однако в теории Шмитта демократия интерпретируется как равенство (тождество), и плебисцит выступает ключевым способом актуализации тождества. Это позволяет объяснить собственно политическую функцию плебисцитов, которые не сводятся к технической легитимации лидеров, но создают интенсивный момент растворения в народном единстве. Наконец, в-третьих, воз-

16. Можно видеть, что в отличие от веберовской комбинации легально-рациональной и харизматической легитимности, оставлявшей значительную роль за парламентом как относительно автономным гарантом легальности, шмиттовский синтез демократии и монархии резко настроен против парламента и превращает его в машину для юридического оформления приказов правителя.

17. В это время развиваются также и плебисцитарные технологии. Главной из них, помимо собственно электоральных институтов, становятся опросы общественного мнения, появляющиеся в знакомой нам форме во второй половине 1930-х. Стоящая за опросами политическая философия опирается на руссоистские представления о воле народа и демократии «перманентных плебисцитов» в противовес представительной демократии, попавшей под полный контроль корыстных элит (Гэллуп, Рэй, 2017). Подробнее о связи опросов с плебисцитарной традицией см.: Юдин, 2020. А. Магун существенно углубляет этот анализ и демонстрирует, что стремительное распространение плебисцитарных технологий было бы невозможным без радикального овеществления общества в XX веке, которое привело к гегемонии квантификации, к представлению «общества» в виде агрегата изолированных субъектов с измеримыми мнениями (Магун, 2020: 417–418).

никновение плебисцитарной традиции мышления о демократии связано с тем, что во многих странах по окончании Первой мировой войны избирательное право расширяется практически до привычных нам сегодня пределов. Это позволяет развернуть анализ выборов как институтов аккламации, что существенно корректирует оптимистический взгляд на выборы, развитый в теориях представительной демократии. Голосование выступает не как «демократический остаток» в авторитарных системах, но как ключевой органический элемент плебисцитарных режимов, производящий демократическую легитимность монархического президента.

Скрытая традиция

В межвоенное время плебисцитаризм стал влиятельной линией реалистического мышления о политике, в особенности в Германии. Однако образ вождистской демократии оказался сильно скомпрометирован приходом к власти нацистов — как сама веймарская система с чрезвычайными полномочиями президента, так и Гитлер с его любовью к плебисцитам сделали прямую апологию плебисцитарной демократии невозможной. Впрочем, если открытых защитников плебисцитаризма найти было сложно, то на более глубоком и более фундаментальном уровне этот укрепившийся способ мышления о демократии продолжал формировать политическую теорию.

Ключевой в этом отношении стала фигура Шумпетера. В 1942 году перебравшийся в США австриец публикует по-английски книгу «Капитализм, социализм и демократия», в которой дает знаменитое «минималистское»¹⁸ определение демократии как технического метода регулирования политики, при котором правление осуществляют элиты, а массам остается голосовать на выборах. Наиболее очевидное влияние Вебера заметно, во-первых, в презрительном отношении Шумпетера к «классической доктрине демократии», под которой понимается идея принятия решений об общем благе самим народом, а во-вторых, в роли, которая отводится массам — роли выбора лидера (Green, 2010: 171; Pakulski, Körösi, 2012: 39). Критика Шумпетера направлена в первую очередь против утилитаризма и руссоизма, из которых выстроилась «классическая доктрина»¹⁹. Особенно резкой атаке он подвергает руссоистские категории «общей воли» и «общего блага». Эти поня-

18. Саму формулу «минимальная демократия», по-видимому, впервые предлагает в 1982 году Уильям Райкер, который таким образом определяет либеральную демократию: «Теория социального выбора заставляет нас признать, что народ, вопреки предположениям популистов, не способен править как корпоративная организация. Вместо этого правят должностные лица, и они не представляют какую-то неопределенную народную волю. Поэтому они вполне могут оказаться тиранами — ради своего блага или ради блага какого-то мнимого, воображаемого большинства. Либеральная демократия — это просто вето, с помощью которого иногда можно ограничить тиранию должностных лиц. Это может показаться минимальной формой демократии, в особенности по сравнению с грандиозными (хотя и абсурдными в идейном отношении) притязаниями популизма» (Riker, 1988 [1982]: 244).

19. «Классическая доктрина» давно вызывает недоумение у интерпретаторов Шумпетера. Это весьма нестройный синтез разнородных идей, и сложно найти кого-то, кому ее можно было бы при-

тия представляются австрийскому экономисту рудиментами мистики — никакого общего представления об общем благе у множества индивидов, как правило, быть не может, и нет оснований считать, что оно заранее дано и руководит их предпочтениями.

При этом Шумпетер перенимает ключевой веберовский ход — вместо того, чтобы просто отрицать «общую волю», он принимает ее как факт новой политической реальности. По тем или иным причинам классическая доктрина демократии укоренилась в современных обществах, и массы склонны верить в общую волю народа²⁰. Это значит, что в реальной демократической политике действует «сфабрикованная общая воля»: «Воля народа есть продукт, а не движущая сила политического процесса» (Шумпетер, 2008: 661). В новых условиях выигрывает не тот, кто следует за существующими интерпретациями общего блага, а тот, кто в состоянии сам произвести доминирующую интерпретацию²¹. Именно такой авторитарный лидер в состоянии пресечь неразрешимые конфликты между альтернативными интерпретациями, которые поддерживают некомпетентные группы населения, и по-настоящему добиться блага для народа²².

Именно признание ключевой роли лидера в политике Шумпетер считает одним из основных преимуществ своей минималистской теории (Шумпетер, 2008: 668). Как и у других германоязычных теоретиков плебисцитаризма, фигура фюрера оказывается ключевой для современной демократической политики, и Шумпетер утверждает это открыто в 1942 году. В этой части работы австрийский экономист сводит число ссылок к минимуму — во многом потому, что опирается на плебисцитарную немецкую мысль, которая неминуемо вызвала бы агрессию у американской публики. Однако сходство аргументации Шумпетера не только с Вебером, но и со Шмиттом нельзя не заметить. Знакомые еще по работе в Университете Бонна в 1920-х, Шмитт и Шумпетер с одинаковым презрением смотрят на либеральный парламентаризм, надеющийся на разумную дискуссию в массовом обществе, и считают фюрера необходимым венцом массовой демократии. Различия между Шмиттом, который к тому времени уже имел опыт апологии вождизма Гитлера в работе «Государство, движение, народ» (Schmitt, 1933), и Шумпетером, который уехал в США еще до этого, связаны прежде всего с двумя элементами демократии. Во-первых, Шумпетер, как мы видели, отвергает остаточный руссоизм, приписанный Шмитту, и ни в каком смысле не считает вождя выразителем воли наро-

писать. Сам Шумпетер не дает необходимых ссылок — очевидно, мы наблюдаем здесь риторический прием конструирования оппонента с целью его последующей критики (Medearis, 2001: 114–115).

20. Характерно, что главной из причин этого Шумпетер называет протестантские основания современного утилитаризма — так что рационально опровергать эту доктрину бесполезно, ведь за ней стоит религиозная вера (Шумпетер, 2008: 663). Сложно не узнать в этом политико-теологическом суждении аргументацию Шмитта против либерализма (Шмитт, 2000: 75–76).

21. Неудивительно, что примером такого лидера оказывается Наполеон (Шумпетер, 2008: 653).

22. Критики обращают внимание на то, что Шумпетер отрицает существование «общего блага», но имплицитно признает его, когда отдает автократам предпочтение с точки зрения блага, приносимого ими народу (Mackie, 2009: 133).

да — а лишь производителем этой фикции. Шумпетеровская картина отличается строгим индивидуализмом и выглядит как консервативно-либеральная реакция против наивного просвещенческого демократического либерализма. Во-вторых, в связи с этим Шумпетер отводит больше места внутриэлитной конкуренции между потенциальными вождями, благодаря чему должна происходить регулярная смена элит. В целом Шумпетер и Шмитт предлагают две разные версии плебисцитаризма, более авторитарную и более тоталитарную, между которыми возникает напряжение (ниже мы вернемся к этому различию). Более радикальное и последовательное рассуждение Шмитта показывает, что логика вождизма ведет к вытеснению шумпетеровского плюрализма вождей и господству единственного вождя, опирающегося на единый народ. Формальная ротация элит, которая становится критерием шумпетеровской демократии, в действительности вполне может осуществляться и авторитарным правителем (Scheuerman, 2020: 236).

Институт выборов у Шумпетера также имеет плебисцитарный смысл. Выступая против выборов как механизма пропорционального представительства, Шумпетер утверждает, что «признание лидерства является истинной функцией голосования избирателей» (Шумпетер, 2008: 671). Его конкурентный элитаризм предполагает, что бюллетень с несколькими кандидатами лучше бюллетеня с одним — однако не потому, что разные существующие в обществе взгляды должны быть представлены разными кандидатами, но потому, что отсутствие конкуренции в элитах может привести к их застою. Когда Шумпетер утверждает, что борьба за власть должна вестись посредством конкуренции за голоса, речь идет не о решении проблемы представительства, а о том, что вождь должен быть авторизован народом (а не получить власть в результате переворота, к примеру). Формула «голосование как признание вождя» означает интерпретацию электоральной процедуры как аккламации.

Плебисцитарные корни шумпетеровской теории минимальной демократии оказались в значительной степени скрыты от американской политической науки, в которой эта теория вскоре начала играть стержневую роль. Доктрина Шумпетера множество раз подвергалась критике за элитизм и демонстративное противоречие традициям партиципаторной и делиберативной демократии. В то же время ее плебисцитарный элемент не вызывал возражений и стал предметом интереса лишь в последние годы. Благодаря этому консенсус вокруг выборов как ключевого демократического института закрепился в политической науке, и в особенности в сравнительной политологии. Если шумпетеровский минимализм и атаковали за недооценку значимости других элементов демократии, то тезис о выборах как ядре демократических режимов практически не оспаривался. Принцип аккламации продолжал определять мышление о демократии после войны²³.

23. При этом сами плебисциты в послевоенное время поначалу вызывают опасение. В ФРГ при основании Республики Парламентским советом было принято сознательное решение максимально ограничить возможность проведения плебисцитов на федеральном уровне. Формально статья 20 Основного закона оставляет такую возможность, однако другие статьи сводят круг допустимых вопро-

Одним из наиболее влиятельных последователей Шумпетера стал Роберт Даль, чье предложенное в 1956 году различие между демократией и диктатурой опирается именно на шумпетерианскую трактовку выборов. Даль, как и многие другие, пытается несколько расширить минимализм, указывая, что задача выборов состоит в том, чтобы «контролировать» вождей. Хотя тем самым в анализ вводится важное измерение отзывчивости (*responsiveness*) лидеров в отношении «нелидеров», Даль сохраняет взгляд на демократию как отношение между правящими лидерами и всеми остальными («нелидерами»), способными лишь рассчитывать на отклик со стороны лидеров. Даль подчеркивает, что выборы не способны выявлять «волю народа» или заставлять лидеров действовать в соответствии с интересами большинства — они лишь заставляют их ориентировать свои действия таким образом, чтобы получить электоральную поддержку. Поэтому выборы и политическая конкуренция — это и есть два критерия, которые отличают демократии от диктатур (Dahl, 2006: 131–132)²⁴. По словам Сэмюэла Хантингтона, к 1970-м шумпетерианский подход одержал окончательную победу в дискуссиях об определении демократии, и «справедливые, честные и периодические выборы» стали основным критерием демократии (Huntington, 1991: 6). Хантингтон справедливо замечает, что триумф минимализма был связан с вытеснением нормативной теории демократии в пользу чисто эмпирического подхода. Как и утверждал Шумпетер, главным преимуществом его подхода стала возможность операционального определения демократии: демократия есть там, где есть выборы. И хотя Хантингтон вслед за Далем добавляет к минимальному определению ряд либеральных свобод, выборы остаются смысловым ядром демократии. Воззрения самого Хантингтона, в свою очередь, оказали решающее влияние на парадигму демократизации и на сравнение между странами с точки зрения демократичности режимов²⁵. Не менее влиятельной стала и защита шумпетеровского подхода, предложенная Адамом

сов к изменению границ между землями, и в этом случае голосуют только соответствующие земли. Впрочем, после объединения Германии предложения по возвращению плебисцитов получают все больше политических и юридических обоснований (Jung, 1994). Во Франции четыре референдума, проведенные с 1958 по 1962 год при основании Пятой республики и завершившиеся возвращением прямых выборов президента, критиковались многими как возврат бонапартизма и выборной монархии (Rosanvallon, 2015: 178). В США общенациональные плебисциты никогда не были предусмотрены Конституцией, однако с начала XXI века ведется кампания за внесение в Конституцию так называемой «демократической поправки» с целью разрешить «Национальную инициативу», то есть возможность для народа выступать законодателем напрямую.

24. Демократию Даль понимает как «полиархию», режим, работающий в интересах наибольшего числа меньшинств. Квентин Скиннер уже полвека назад обратил внимание, что сама позитивная коннотация, которую термин «демократия» приобрел начиная с XIX века, автоматически переносится на те институты, которые определяют демократию (Skinner, 1973: 298–299). В результате, хотя определения Шумпетера и Даля (определения демократии через выборы) выглядят строго позитивными и лишены нормативного содержания, фактически они производят нормативное оправдание выборов как демократического (а значит, желательного) института.

25. Еще более существенным для отождествления демократии с выборами на уровне обыденного языка стало использование выборов в качестве основного критерия в индексах демократии. Несмотря на существенные различия между разными способами измерения демократии, все они опираются на минималистское определение как на смысловое ядро демократии (Munck, Verkuilen, 2002; Högström,

Пшеворским, понимающим выборы как возможность решить общественный конфликт, определив, кто имеет право на принуждение (Przeworski, 1999)²⁶.

Было бы неверным сказать, что преобладающие в политической науке взгляды на демократию разделяют плебисцитаристское понимание политики. Достаточно очевидно, что значительную часть воззрений плебисцитаристов не поддержали бы не только современные критики Шумпетера, но и сторонники минимализма²⁷. Кроме того, как мы могли видеть, в рамках плебисцитарной мысли существует определенное разнообразие. Однако формирование представлений о демократии вокруг плебисцитаристской идеи о выборах как ключевом демократическом институте оказывает наиболее сильное влияние как на академические исследования политики, так и, шире, на все современное мышление о демократии. Так, требование прямой демократии как регулярного общенародного голосования по всем политическим вопросам все чаще озвучивается как решение проблем с репрезентацией в современных либеральных демократиях²⁸. Представление о том, что проблемы демократии следует решать через усиление электоральных процедур («если мы хотим узнать волю народа, нужно просто проголосовать»), является наследием плебисцитаризма, и оно остается в центре сегодняшних определений демократии, а также практик ее измерения, формируя тем самым горизонты демократического воображения. По этой причине такие «переходные» (как говорили раньше), или «гибридные» (как говорят теперь), режимы, как российский, заставляют критически взглянуть на преобладающие представления о демократии.

Радикализация плебисцитаризма в России

Характеристика России как плебисцитарной демократии возникала несколько раз на разных исторических этапах. В конце советского периода Андраник Мигранян обратил внимание на идею плебисцитарной демократии в связи с перспективой демократической диктатуры, необходимой советскому обществу для постепенного перехода к демократии (Мигранян, 1989). Для страны, где реальное массовое избирательное право возникло не постепенно, а резко и внезапно, это решение

2013). Ср. также шумпетерианские аргументы методологов наиболее влиятельных рейтингов Freedom House и Polity IV (Gastil, 1990: 31; Jagers, Gurr, 1995: 471).

26. Пшеворский, впрочем, меньше заботится о поиске эффективного лидера, чем о возможности сменить правителя ненасильственным путем и о вытекающих из этого условиях. Здесь он следует за Карлом Поппером и его апофатическим пониманием демократии как «правительства, от котор[ого] можно избавиться без кровопролития, например, путем всеобщих выборов». И хотя Поппер соглашается с реалистическим аргументом, что «люди никогда не осуществляют самоуправление в каком бы то ни было конкретном, практическом смысле» (Поппер, 1992: 164–165), его взгляды совмещают в себе весьма разные концепции демократии. Учитывая значение книги Поппера для стартового этапа современной российской политики, последствия этой амбивалентности достойны отдельного изучения.

27. См., однако, важные недавние попытки реабилитации плебисцитаризма (Green, 2010; Pakulski, Körösnéyi, 2012).

28. Оно становится особенно перспективным в связи с новыми технологическими возможностями организации голосования (Vale, 2020).

выглядело обоснованным такими же резонами, которые Вебер приводил для Веймарской Германии. Этот рецепт не был в полной мере реализован, однако, как справедливо замечает Пьер Розанваллон, в постсоветских странах бонапартистско-голлистская президентская модель политической организации была принята практически без обсуждений, а в странах бывшего социалистического блока ее эквивалентом стала модель с сильным премьер-министром (Rosanvallón, 2015: 7–10).

Впрочем, позднее стремительное возникновение массовой демократии все же произвело эффект. Конфликты узкопартийных интересов, выплескивавшиеся в медиаполе в конце 1990-х, стали одной из важных предпосылок российского плебисцитаризма — во многом они напоминали партийные войны в немецком парламенте времен Первой мировой. Другим важным фактором стали реваншистские настроения, тлевшие после завершения холодной войны и напоминавшие эмоциональное состояние Франции после наполеоновских войн и Германии после Версаля. Оба фактора способствовали появлению спроса на лидера, встающего над партийной политикой и обещающего возрождение имперской гордости, а суперпрезидентская конституция становилась для этого удобной стартовой площадкой²⁹.

Полноценный плебисцитарный режим возник в России при Владимире Путине. На это обратил внимание Валерий Федоров, утверждающий, что переход от парламентской демократии к плебисцитарной произошел в 2004 году после прошедших без реальной конкуренции президентских выборов (Федоров, 2010: 77). Федоров полагал, что переход к плебисцитаризму был подготовлен сохранением советской политической культуры — аргумент, который, как мы видели, был отвергнут в свое время в теории плебисцитарной демократии после того, как стало ясно, что бонапартизм невозможно объяснить французскими национальными особенностями. Позднее, Впрочем, акцент на культурных факторах в рассуждениях Федорова отошел в тень, и плебисцитаризм стал описываться как общая политическая модель, для которой характерны «принцип фюрера» (все остальные политические институты вторичны), прямая связь вождя с народом, безальтернативность и передача власти по наследству (Федоров, 2013: 470–473). С точки зрения Федорова, со временем должно произойти плавное возвращение от плебисцитарной демократии к парламентской и усиление реальной электоральной конкуренции³⁰.

29. Контуры бонапартистского режима в начале правления Путина разглядел А. Медушевский (Медушевский, 2001). См. также более позднюю характеристику политико-экономической системы России как бонапартистской (Матвеев, 2017).

30. Хотя этот прогноз озвучивался Федоровым несколько раз, до сих пор он не подтвердился (Федоров, 2018: 278) — как не подтвердилось и ожидание, что Конституция 1993 года останется неизменной и станет основой для такой трансформации. Существенным недостатком подхода Федорова является то, что он рассматривает внешнеполитическую ситуацию как экзогенную по отношению к плебисцитарному режиму, и потому постоянное воспроизводство плебисцитаризма выглядит как результат действия непредсказуемых внешних факторов, которые раз за разом вмешиваются и вынуждают сохранять плебисцитарную конструкцию в условиях острой внешней угрозы. Как мы показывали выше, управление различием внешнее/внутреннее является одной из ключевых

Существующие описания российского плебисцитаризма, как правило, исходят либо из того, что это переходный режим, либо, напротив, рассматривают его как специфичный для России с ее традициями и особенностями тип политического устройства. В обоих случаях российский кейс оказывается надежно изолирован от общей дискуссии о развитии демократии — либо потому, что это неполноценный тип (и, следовательно, не может ничего сказать о демократии в целом), либо потому, что этот тип стоит в стороне от демократических тенденций (и также непригоден для их анализа). С одной стороны, это резко сужает аппарат для анализа российской политики (она осмысливается либо как пограничный случай «стандартной демократической»/«стандартной авторитарной», либо не подлежит анализу вообще ввиду своей категорической самобытности). С другой стороны, это не дает возможности увидеть имманентные тенденции, которые российский плебисцитарный режим обнаруживает в господствующих воззрениях на демократию³¹.

Анализ плебисцитарной традиции позволяет выделить ее ключевые элементы, которые прослеживаются в российском случае. Опираясь на зафиксированные ранее ключевые особенности плебисцитарной демократии, мы продемонстрируем, как с их помощью можно описать и объяснить устройство российского политического режима. Поскольку, как было показано выше, внутри традиции существуют также и важные противоречия, мы будем обращать внимание на то, как они проявляются в российском случае, чтобы оценить перспективы его развития. Задача этого анализа состоит не в том, чтобы предложить еще один ярлык для классификации, а в обнаружении базовых принципов сложившейся в России демократической политики и их динамики. Именно в этом состоит ценность понятий, разработанных век назад теоретиками плебисцитаризма.

1. *Синтез монархических и демократических элементов в рамках единой политической системы.* Как подчеркивал Вебер, демократические элементы сводятся к тому, что обеспечивают лидеру демократическую легитимность: «„плебисцитарная демократия“ — самый важный тип лидерской демократии — по своему подлинному смыслу есть род харизматического господства, которое скрывается под формой легитимности, основанной на воле подчиненных и поддерживаемой ими одними» (Weber, 1976: 156).

Замечание Шмитта о том, что сильный президент воплощает монархический принцип, было подтверждено впоследствии эмпирическими исследованиями (Linz, 1990). Российская Конституция 1993 года неоднократно характеризовалась как институциональный «гибрид», где «сильный авторитарный президент существует наряду со слабым демократическим парламентом» (Easter, 1997: 209).

особенностей плебисцитарной демократии. Усиление противостояния с внешними противниками и подавление внутривнутриполитической конкуренции — это лишь две стороны перерасметки различия внешне/внутреннее, здесь невозможно отделить причину от следствия.

31. Важную попытку сделать выводы о перспективах демократии из рассмотрения ее «искажений», среди которых плебисцитаризм и российский случай, см. в работе Нади Урбинати (Урбинати, 2016).

Однако внутри этого гибрида действует дополнительная тенденция к усилению президентской власти — как показала конституционная реформа 2020 года, монархический элемент тяготеет к дальнейшему укреплению. После реформы президент впервые стал осуществлять общее руководство правительством (ч. 1 ст. 110), получил возможность назначать часть правительства единолично (ч. 1 ст. 83), а также право в случае конфликта с парламентом назначать весь состав правительства, включая премьер-министра, без оглядки на парламент и без необходимости его роспуска и последующего обращения к народу для разрешения правительственного кризиса (ч. 4 ст. 112, ч. 4 ст. 111).

Если конституционная реформа приносит дальнейшее ослабление парламентской демократии, то роль веберовской «воли подчиненных», напротив, возрастает. Конституционное устройство систематически расширяет возможности для действия с опорой на волю народа. Показательным является комментарий Конституционного Суда по важному вопросу о количестве президентских сроков. КС рассмотрел этот вопрос как случай конфликта между принципами конституционализма и народного суверенитета и счел приоритетной «возможность реализации народом права избрать на свободных выборах то лицо, которое он считает наиболее достойным должности главы государства, притом что его определение в рамках электоральной конкуренции всегда остается за избирателями» (Конституционный Суд Российской Федерации, 2020: 41–42). Фактически речь идет о том, что электоральная процедура, выявляющая волю народа, преобладает над конституционными ограничениями: узурпацией власти, с точки зрения КС, не может быть названа ситуация, «когда лицо избирается, пусть неоднократно и подряд, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права» (Там же: 43). В терминах Шмитта это решение представляет собой превосходство демократического принципа над либеральным конституционализмом, что подтверждается указанием КС на то, что воля народа видеть действующего президента у власти и после истечения сроков удостоверяется плебисцитом (Там же: 45). Таким образом, усиление монархического элемента происходит параллельно и благодаря усилению плебисцитарно-демократического.

2. *Синтез харизматического и легально-рационального господства.* Для конструкции Вебера принципиально важно, что за первый элемент отвечает лидер, чья харизма удостоверяется народной поддержкой, за второй — бюрократический аппарат государства и парламент. В современной российской плебисцитарной демократии возвышение президента над системой, его дистанцирование даже от правящей партии исключает его из либеральной системы репрезентации частных интересов. Он получает прямую авторизацию от народа на представительство государства как реального политического единства, проходящего поверх возможных внутривнутриполитических оппозиций. Плебисцитарная репрезентация осуществляется в режиме «сверху вниз» (в противоположность парламентским системам, где направление репрезентации «снизу вверх»). Лидер получает от народа авторизацию на правление без уточнения мандата — фактический карт-бланш. Его зада-

ча заключается не в том, чтобы следовать общественным предпочтениям, а в том, чтобы формировать их и предъявлять в качестве решений для аккламации (Illés, Gyulai, Körösnéyi, 2020: 28).

При этом важно заметить, что легитимность плебисцитарного порядка имеет двойное основание: президент правит не произвольно, но в строгом соответствии с законом (хотя Конституция предоставляет широкие возможности правления с помощью декретов; в российском случае — указов). Соблюдение законов тщательно отслеживается и удостоверяется как законодателем, так и бюрократическим аппаратом, а также судами. Однако здесь возникает сложность, ставшая причиной известной атаки Шмитта на Вебера. Для Вебера легальность выглядит как самостоятельное основание для легитимного господства, и потому законность правления является самостоятельным источником легитимности, независимым от президентской харизмы. Для Шмитта же это выглядит неубедительно: как подчинение закону может быть основано только на том, что это закон? Сама идея легальности как основания легитимности представляется Шмитту отрицающей легитимность «плебисцитарной воли народа» (Schmitt, 1932: 14). При взгляде с позиции Шмитта закон в плебисцитарном порядке признается именно и только в силу того, что он исходит от президента, прямо опирающегося на народ. Таким образом, различие между президентским декретом и законом в конечном счете стирается.

Противоречие между Вебером и Шмиттом во взглядах на легальность проливает свет на двойственную функцию закона в российском случае. С одной стороны, президент выступает принципиальным защитником строгой законности, а с другой — эмпирически законодательство, включая Основной Закон, всегда подстраивается под его волю, и нет примеров, чтобы эта воля пришла в противоречие с резонами парламента или бюрократического аппарата. Парламент в малой степени выполняет задуманную Вебером функцию подготовки элиты в политических баталиях — напротив, репрессируя публичную дискуссию, он согласованно с административными органами действует как часть машины, оформляющей волю президента в законы.

3. *Электоральные процедуры (в том числе выборы) имеют смысл аккламаций, то есть символического признания лидера, его решений и его назначений.* Содержательно выбор во время таких процедур сводится к «да» или «нет», причем одна из опций представлена как *fait accompli*. Эволюция электоральных процедур в России в период с 2000 до 2020 года обнаруживает заметную тенденцию к плебисцитаризации. После 1999 года наличие административного кандидата на выборах всех уровней является обязательным условием, и административный аппарат работает на его поддержку, так что голосование за этого кандидата обретает смысл признания государственной системы в целом. С точки зрения представительной парламентской демократии это выглядит нарушением условий конкуренции, однако с позиций плебисцитаризма аппарат функционирует как электоральная машина и занимается обеспечением основы демократической системы — аккламации.

В результате участие в выборах для большинства организаторов, кандидатов и избирателей приобретает иной смысл: не результаты голосования определяют носителя власти, но носитель власти определяет результаты голосования.

Голосование по кандидатуре президента имеет в этой системе особый статус. Именно оно в качестве прямой аккламации, полученной от народа, является источником легитимности для лидера и, косвенным образом, для остальных элементов системы. Плебисцитарный характер президентских выборов удостоверяется несколькими атрибутами. Во-первых, плебисциты должны репрезентировать народ через количественное большинство, и аккламация лидеру требует подавляющего большинства, чтобы минимизировать воспринимаемую вероятность расхождения между «волей всех» и «общей волей». Поэтому плебисцитарный президент не может побеждать ни во втором туре, ни даже незначительным большинством³².

Во-вторых, шмиттовская версия плебисцитаризма предполагает, что у лидера не может быть реальных конкурентов в рамках внутренней политики, в противном случае его способность репрезентировать народную волю окажется подорвана. Поэтому соперники лидера выступают не как его оппоненты, но скорее как важные участники аккламации — они поддерживают его лидерство, но при этом обозначают разные интересы и группы, стоящие за этой поддержкой. Конкуренты лидера могут существовать только за пределами народа как политического единства: тот, кто принципиально возражает против кандидатуры лидера, автоматически перекодируется из внутривнутриполитического во внешнеполитического противника. Сама идея «оппозиции» как внутреннего противника по принципиальным вопросам устройства общества оказывается исключена. Внешнеполитический смысл имеет тенденцию доминировать в таких голосованиях, как это произошло, например, на президентских выборах 2018 года, когда электоральная кампания была построена на необходимости с помощью голосования продемонстрировать внешним противникам единство народа и государства.

Плебисцит 2020 года по конституционной реформе представляет собой лишь радикализацию существовавших прежде тенденций. Предрешенность результата (президент указывал, что в голосовании не было юридической необходимости), формат ответа «да/нет», сведение вопроса к личной поддержке лидера (в частности, его возможности продлить мандат), отсутствие общественной дискуссии и даже прямой запрет на агитацию — все эти плебисцитарные элементы в скрытой форме присутствовали в выборах и ранее, причем во все возрастающей степени.

При этом легитимность отдельных выборных лиц не может превышать легитимность плебисцитарного лидера, они избираются не благодаря прямому согласию народа, но скорее благодаря согласию лидера, за которым стоит согласие народа. Выборы низших уровней становятся, таким образом, косвенными плебисцитами, фиксирующими признание народом лидера, а не признание избираемых

32. Единственный раз результат Владимира Путина был близок к 50% поданных голосов в 2000 году.

лиц. Разумеется, эта интерпретация не может прямо вытекать из численных результатов голосования, но утверждается самими избранными лицами, описывающими собственные результаты как поддержку политики президента.

Появление косвенных плебисцитов позволяет преодолеть проблему разрывов между голосованиями, которые создают лакуны легитимности³³. Голосование неизбежно содержит в себе элемент непредсказуемости уже потому, что оно обозначает символическую пересборку политики, значение которой только возрастает в плебисцитаризме. Теоретически эту неопределенность можно было бы минимизировать, если бы плебисциты стали постоянными, то есть легитимность удостоверялась и демонстрировалась бы постоянно. В российском случае эту функцию в редуцированном виде берут на себя опросы общественного мнения, на значение которых многократно указывал Владимир Путин. Осуществляя регулярное измерение политического рейтинга, опросы представляют собой симуляцию плебисцитов, технически легко реализуемую и позволяющую воспроизводить легитимность с помощью трансляции результатов в средствах массовой информации. Центральное место, которое занимают в российской политической жизни президентские рейтинги, связано именно с ее плебисцитарным характером — благодаря данным опросов регулярно производится сверка легитимности. Быстрое развитие технологий электронного голосования также позволяет организовывать плебисциты постоянно, дешево и эффективно. Как опросы, так и электронное голосование соответствуют логике плебисцитарного взгляда на демократию, поскольку сводят процедуру к мгновенному голосованию и учету, минимизируя предвыборную кампанию, агитацию, взаимодействие на избирательных участках и возможность физического конфликта вокруг подсчета голосов.

4. *Политическая роль народа сводится к аккламации через регулярные плебисциты и иные электоральные процедуры.* В эти моменты народ являет себя как реальное единство, в остальные же периоды он представляет собой разобщенную массу с низкой политической вовлеченностью, не обладающую собственной агентностью. Для плебисцитаризма в целом характерно сильное недоверие в отношении способности народа выступить реальным и тем более ответственным политическим субъектом. Ключевым для плебисцитарной мысли является понимание народа как массы в эпоху всеобщего избирательного права. В связи с этим единственный способ интегрировать народ в современный демократический дизайн состоит не в том, чтобы наделить его правом самоуправления (это решительно невозможно), а в том, чтобы указать ему на возможность проявить себя во время голосований. Народ, таким образом, агрегируется в моменты голосования, после чего немедленно рассеивается.

33. Важным аналогом является институт национальных консультаций, получивший развитие в Венгрии при Викторе Орбане. Консультации проводятся через почтовую рассылку и также не имеют обязательной силы, но позволяют осуществить народную авторизацию решений лидера (Illés, Gyulai, Körösnéyi, 2020: 63).

Как мы видели, несмотря на эту общую базовую модель, в плебисцитарной традиции есть два взгляда на народ, которые разнятся по своим последствиям. Позиция Шумпетера, основанная на критике руссоизма, рассматривает народ исключительно как фикцию, которая в системе минимальной демократии возникает в результате голосования. Для Шмитта, напротив, демократическая легитимность плебисцитарного лидера связана с тем, что он воплощает в себе народное единство, которое производится в процессе аккламации. В отличие от первого подхода, здесь формирование единства является необходимым условием обретения легитимности, и потому функциональный плебисцит невозможен без политической мобилизации. Если Шумпетера устраивает ситуация, когда часть избирателей указывает на лидера и немедленно возвращается в частную сферу, то для Шмитта важен момент реального единства, когда народ дан не просто в сумме поданных голосов, но проявлен как политическая общность.

Российские плебисциты имеют тенденцию эволюционировать от первого формата ко второму, от шумпетерианского — к шмиттеанскому. Становление плебисцитарного режима сопровождалось основательной деполитизацией — формированием крайне скептического отношения масс к политике и выборам, ростом недоверия к политикам и общим отчуждением от политической жизни. Активное распространение отталкивающих политтехнологий (таких как кандидаты-двойники или откровенные подставные фигуры вроде Олега Малышкина на президентских выборах-2004) закрепило отторжение от политики. В этих условиях мобилизация небольшой части электората на голосование обеспечивала победу административным кандидатам³⁴. Однако плебисцитарная легитимность неизбежно страдает — уровень абсентеизма столь высок, что не позволяет представить лидера как представителя всего народа.

Начиная с 2018 года плебисциты в России эволюционируют в сторону шмиттеанской модели. В 2018 году на выборах Путин, по официальным данным, получил поддержку 52% от числа всех зарегистрированных избирателей (77% голосовавших), в 2020 году его проект реформы Конституции — 53% (78% голосов «за»). Сила административной мобилизации существенно возрастает: для значительных групп населения голосование перестает быть добровольным. Лидер нуждается не в относительном, а в «подавляющем» (Чечель, 2013) или «абсолютном» большинстве.

По мере того как голосование смещается от шумпетерианского формата (выбор лидера из ограниченного списка конкурентов, осуществляемый путем агрегирования ситуативных предпочтений отдельных граждан) к шмиттеанскому (громкая публичная аккламация лидеру), внешние атрибуты процедуры также

34. Так, Владимир Путин и Дмитрий Медведев до 2018 года получали на выборах менее 50% голосов от списочного числа избирателей. «Единая Россия» по итогам выборов 2016 года сформировала конституционное большинство в Государственной Думе, располагая лишь 26% голосов от всех имеющих право голоса. Мэр Москвы Сергей Собянин получил на выборах в 2013 году 16% голосов от списочного числа избирателей, в 2018 году — 21%.

могут меняться. Усиление потребности лидера в однозначной аккламации ведет не только к увеличению доли поданных за него голосов, но и к размыванию тайны голосования, которая вызывала критику Шмитта. С точки зрения формата аккламации тайный выбор является препятствием для публичного предъявления народного единства. В этой связи как административная мобилизация сотрудников предприятий (иногда — с последующими требованиями предъявить фотографии заполненных бюллетеней), так и выход голосования за пределы избирательных участков в жилые дома и дворы, где тайну голосования сохранить затруднительно, — все это является естественными направлениями эволюции плебисцита в сторону публичной аккламации.

Увеличение частоты и охвата плебисцитов указывает на важное противоречие между двумя обсуждаемыми моделями. Плебисцитарный взгляд на массу предполагает, что она незамедлительно после голосования рассеется в неполитическую повседневность, поскольку для нее не предусмотрено иной политической роли. Однако деполитизированное состояние не позволяет обеспечить подобающей плебисцитарному лидеру легитимности — оказывается, что шумпетеровский вариант голосования не вполне решает ключевую для себя проблему. Выходом становится форсированная политизация масс в ситуации плебисцита, ведь простая фальсификация итогов не дала бы необходимого результата. Но можно ли ожидать, что вовлеченные в политическую процедуру массы будут готовы вновь легко перейти в пассивное состояние? Не окажется ли, что шумпетеровские опасения в отношении избыточной активности масс имеют под собой основания? Если благодаря этому народ приобретает роль, не сводящуюся к определенной ему инструментальной массе, то разумно предположить, что изменения затронут и сам дизайн плебисцитарной демократии.

Заключение

Направление эволюции плебисцитарной системы — тема отдельного рассуждения. Однако предложенный здесь подход позволяет посмотреть на плебисцитаризм не как на поворот в тупик с торной дороги к демократии. Ключевая роль выборов и голосований для российского политического режима, активное развитие и расширение электоральных процедур показывают, что плебисцитаризм полностью совместим с теорией демократии, придающей ключевое значение процедуре выборов. С точки зрения электоральной демократии Россия представляет собой не догоняющую, а, напротив, опережающую версию демократии³⁵.

35. Следует отметить, что, несмотря на электоральный крен доминирующих определений демократии, основные индексы демократии не классифицируют современный российский режим как демократический. Индекс Polity за 2018 год классифицирует Россию как «открытую анократию» (до статуса «демократии» России не хватает 2 баллов по 21-балльной шкале), Freedom House за 2020 год — как «консолидированный авторитарный режим» (Россия набирает 5 баллов из 40 в категории «политические права»), Economist Intelligence Unit за 2019 год — как «авторитарный режим» (страна набирает только 2,17 из 10 в оценке электорального процесса). Однако все эти измерения в значительной

Российский случай не единственный пример плебисцитаризма на современном этапе трансформации демократии. Наиболее близкими аналогами являются режимы Виктора Орбана в Венгрии (Illés, Gyulai, Körosényi, 2020) и Реджепа Эрдогана в Турции (Özbudun, 2014). Во всех случаях активное использование электоральных процедур происходит в условиях правления сильного лидера и усиления его полномочий (в Турции появился пост всенародно избираемого президента), голосование превращается в плебисциты. Впрочем, в отличие от России, и в венгерском, и в турецком случаях внутренняя политика существует в парламенте, и лидерам приходится входить с внутренними оппонентами в открытое публичное противостояние³⁶. Сложившийся в России политический режим наиболее уверенно можно называть радикализацией логики плебисцитарной демократии.

Взгляд на плебисцитарную демократию не как на отклоняющуюся и неполноценную гибридную форму, а как на синтетическую модель позволяет иначе оценить ее перспективы. Российский случай представляет в этой связи особый интерес. Однако следует различать развитие плебисцитаризма как типа политического режима и эволюцию конкретной российской системы.

Козыри плебисцитарного взгляда на демократию, сформулированные его идеологами, остаются в игре спустя век массовой политики. Скепсис в отношении возможности широкого гражданского участия в современном обществе получает все новые основания и становится ключевым реалистическим аргументом против сторонников партиципаторной модели демократии. Если мы хотим избежать полного отчуждения граждан от политической жизни, не стоит требовать от них слишком многого, лучше удовлетвориться демократическим минимумом — их участием в выборах. В то же время надежды делиберативных демократов на разумную дискуссию рушатся в результате трансформации публичной сферы в сцену для выступления знаменитостей — наступило время аудиторной демократии, демократии для пассивных зрителей, поднимающих палец вверх (Manin, 1995; Green, 2010). Сложившиеся партийные системы терпят крах по всему миру — за партиями больше не стоят лояльные классы и устойчивые идеологии, и массы ждут силь-

мере базируются на экспертных оценках, в которых ключевую роль играет суждение о том, являются ли выборы «честными и справедливыми». Многие исследователи обращают внимание на то, что эти оценки неизбежно оказываются субъективными, подсознательно ориентируются на сравнение с нормативными образцами и в результате меньше говорят о демократии, чем о сходстве с определенными странами-ориентирами (Diamond, 2002: 22; Поляков, 2015).

36. Активное вовлечение лидера в публичную политику и политизация масс в противовес пассивности — важные отличия популистской модели от плебисцитарной (Урбинати, 2016: 324–327). В сравнительных исследованиях впервые на устойчивое отклонение обеих этих моделей от парламентской представительной демократии обратил внимание аргентинец Гильермо О’Доннелл (O’Donnell, 1994). Однако его термин «делегативная демократия» необоснованно смешивает две эти формы и не дает возможности увидеть принципиальные отличия латиноамериканского популизма, где лидер постоянно балансирует на грани народной любви и народного гнева за счет тесного контакта с массами и их политизации, от плебисцитаризма с его стремлением демобилизовать массы и тем самым обеспечить непререкаемое лидерство президента во внутренней политике.

ных лидеров, способных гибко реагировать на быстро меняющийся мир (Pakulski, Körösényi, 2012).

Акцент на выборах в господствующих концепциях демократии отнюдь не случаен — выборы сегодня выглядят единственной точкой контакта между далекими от политики, погруженными в частную жизнь гражданами, с одной стороны, и правящими элитами — с другой. То, что «прямая демократия» по всему миру мыслится преимущественно как умножение голосований, как утопия постоянного плебисцита — логичный результат эволюции демократических систем в направлении, предсказанном теоретиками плебисцитаризма. Несмотря на осторожное отношение к практике электронного голосования в большинстве стран (Buchstein, 2004), его распространение выглядит неизбежностью не столько в силу новых технологических возможностей, сколько в силу доминирования плебисцитарного взгляда на демократию: граждане уже имеют мнение по политическим вопросам, достаточно просто «сфотографировать» это мнение, чтобы получить «общую волю», и электронное голосование позволяет сократить издержки этой измерительной процедуры.

Плебисцитарная демократия еще в большей степени, чем сто лет назад, выглядит надежным компромиссом между принципом народного суверенитета, который сводится к праву народа «выбирать себе власть», и потребностью элит и масс в сильном лидере с монархическими полномочиями, который гарантировал бы стабильность и воплощал в себе исторический выбор народа. Демократия может при этом усиливаться по линии постоянной репрезентации народной воли, ведь если нужно, народ может получить право голосовать практически постоянно. Плебисцитарная демократия может оказаться завтрашним днем демократических режимов, и именно поэтому она оказывается в значительной степени неуязвимой для критики сегодня.

Несмотря на плебисцитарные тенденции в современных демократических системах, сами плебисцитарные режимы, как показывает история, подвержены ряду угроз. Во-первых, как заметил Рошер, они склонны к военным авантюрам (Roscher, 1888: 747). Это можно объяснить именно особой подвижностью различия внутренней и внешней политики: необходимость отрицания внутренней оппозиции и интерпретация внутривнутриполитических конфликтов как индуцированных извне неизбежно приводит к тому, что опасность внешних угроз систематически переоценивается. Кроме того, внутренняя консолидация против внешних противников сокращает число международных союзников и провоцирует выстраивание внешнеполитических коалиций против плебисцитарного режима. Классическими примерами здесь выступают военные неудачи Наполеона I и Наполеона III, приводившие к смене режима.

Во-вторых, харизма напрямую не передается, так что передача лидерского статуса неизбежно становится для системы испытанием. Как отмечал Вебер, наиболее очевидный способ — назначение преемника — имплицитно подразумевает, что власть преемника основывается уже не на его харизме (Weber, 1976: 664),

и в какой степени плебисцитарная процедура может исправить эту проблему, сказать трудно. Хотя структурно позиция всенародно избранного президента сама должна наделять лидера «неавторитарной» харизмой, на деле его власть в значительной степени персонализирована и не может просто передаваться следующему избраннику. В плебисцитаризме возникает неизбежная цезура, не свойственная ни наследственным монархиям, ни «демократиям без вождя».

В-третьих, противоречие между мобилизующими и демобилизующими тенденциями в плебисцитаризме вызывает напряжение. Для того чтобы аккламация имела необходимый публичный эффект и выполняла легитимирующую функцию, требуется политизация народа как реального единства. Однако политизация — не тумблер, который легко выключить по желанию. Возвращение политизированных масс в пассивное состояние может оказаться трудной задачей, и решить ее тем сложнее, чем сильнее они политизированы. Таким образом, использование народа как источника легитимности власти и его удержание в рассеянном, обезвреженном состоянии вступают друг с другом в противоречие. При нарушении баланса это может привести либо к ослаблению лидера, либо, наоборот, к постоянной мобилизации народа и эволюции режима в тоталитарном направлении. Вебер в полемическом запале требовал, чтобы плебисцитарный диктатор «всегда видел перед глазами „виселицу и веревку“» (Вебер, 2003б: 400) — однако так и не дал понять, как это гарантировать и как можно стабилизировать цезаристский режим.

Демонстративно антидемократические интенции теоретиков плебисцитарной демократии провоцируют естественный вопрос — оправданно ли вообще называть эту синтетическую систему «демократией»? На сходные сомнения наталкивает и наблюдение за формами реализации этой идеи в прошлом и сегодня — в частности, в России. Разумеется, существует целый ряд нормативных демократических позиций, которые не признают демократии в цезаризме, и для этого есть основания. Однако плебисцитаризм не случайно созвучен господствующему в политической науке и в обыденном сознании пониманию выборов как смыслового ядра демократии. Расцвет плебисцитарных технологий и впечатляющая устойчивость плебисцитарных режимов заставляют принять плебисцитаризм всерьез в поисках ответа на вопрос о том, как в современных политических условиях возможно демократическое правление. Любой критик плебисцитарной демократии должен в первую очередь признать, что ее сегодняшнее воплощение — не странная временная абберрация на прямом пути демократизации, а логичный результат развития общепринятых воззрений, чьи мрачные истоки слишком долго были скрыты.

Литература

- Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 644–706.
- Вебер М. (2003а). Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 7–39.

- Вебер М.* (2003б). Рейхспрезидент // *Вебер М.* Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 399–403.
- Гельман В.* (1997). «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989–1996) // *Общественные науки и современность.* № 4. С. 64–81.
- Гэллуп Дж., Рэй С. Ф.* (2017). Пульс демократии: как работают опросы общественного мнения / Пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ.
- Конституционный Суд Российской Федерации (2020). Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3. СПб.
- Липпман У.* (2004). Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: ФОМ.
- Магун А.* (2020). Зондаж богоносца // *Социологическое обозрение.* 2020. Т. 19. № 3. С. 409–425.
- Маркс К.* (1957). 18 брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат. С. 115–217.
- Матвеев И.* (2017). Конец «стабильности»: политическая экономия пересекающихся кризисов в России с 2009 года // *Социологическое обозрение.* Т. 16. № 2. С. 29–53.
- Медушевский А.* (2001). Бонапартистская модель власти для России // *Вестник Европы.* № 1. С. 28–49.
- Мигранян А.* (1989). Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс // *Вопросы философии.* № 6. С. 148–158.
- Моммзен Т.* (1941). История Рима. Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе / Пер. с нем. И. М. Масюкова под ред. Н. А. Машкина. М.: Госполитиздат.
- Острогорский М.* (1997). Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН.
- Поляков Л.* (2015). Электоральный авторитаризм и российский случай // *Полития.* № 2. С. 6–20.
- Поппер К.* (1992). Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс.
- Уварова М.* (2014). Коронованная демократия: Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара.
- Урбинати Н.* (2016). Искаженная демократия: мнение, истина и народ / Пер. с англ. Д. Кралечкина под ред. В. Софронова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Федоров В.* (2010). Русский выбор: введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Праксис.

- Федоров В. (2013). От плебисцита — к выборам? Выборный цикл 2011–2012 гг. и перспективы эволюции российской политики // Федоров В. (ред.). От плебисцита — к выборам: как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. М.: Праксис. С. 469–482.
- Федоров В. (2018). Плебисцитарная демократия в эпоху «посткрымского консенсуса» // Федоров В. (ред.). Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита. М.: ВЦИОМ. С. 278–284.
- Чечель И. (2013). Время, вперед? Преамбула к дискуссии о «подавляющем большинстве» // Интернет-журнал «Гептер». URL: <http://gefter.ru/archive/9447> (дата доступа: 16.03.2021).
- Шмитт К. (2000). Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Шмитт К. (2010). Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом ВШЭ. С. 33–236.
- Шумпетер Й. (2008). Капитализм, социализм, демократия // Шумпетер Й. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 363–824.
- Юдин Г. (2014). Эксперимент под внешним управлением: риторика и репрезентация крымского мегаопроса // Мониторинг общественного мнения. № 2. С. 53–56.
- Юдин Г. (2020). Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Baehr P. (1989). Weber and Weimar: The «Reich President» Proposals // Politics. Vol. 9. № 1. P. 20–25.
- Baehr P. (2008). Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Brunswick: Transaction.
- Bonaparte N.-L. (1839). Des idées napoléoniennes. Paris: Paulin.
- Brancati D. (2014). Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // Annual Review of Political Science. Vol. 17. P. 313–326.
- Bryce J. (1995). The American Commonwealth. Vol. 2. Indianapolis: Liberty Fund.
- Buchstein H. (2004). Online Democracy, Is it Viable? Is it Desirable? Internet Voting and Normative Democratic Theory // Kersting N., Baldersheim H. (eds.). Electronic Voting and Democracy: A Comparative Analysis. London: Palgrave Macmillan. P. 39–58.
- Carothers T. (1997). Democracy without Illusions // Foreign Affairs. Vol. 76. № 1. P. 85–99.
- Carothers T. (2002). The End of Transition Paradigm // Journal of Democracy. Vol. 13. № 1. P. 5–21.
- Crook M. (2003). Confidence from Below? Collaboration and Resistance in the Napoleonic Plebiscites // Rowe M. (ed.). Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe. London: Palgrave Macmillan. P. 19–36.
- de la Borderie A. (1867). Les élections départementales de 1867. Lettres à un électeur. Rennes.

- Diamond L.* (2002). Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. Vol. 13 № 2. P. 21–35.
- Easter G.* (1997). Preference for Presidentialism: Postcommunist Regime Change in Russia and the NIS // *World Politics*. № 49. P. 184–211.
- Eliaeson S.* (2000). Constitutional Caesarism: Weber's Politics in Their German Context // *Turner S.* (ed.). *The Cambridge Companion to Weber*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 131–150.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* (2009) Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 12. P. 403–422.
- Gastil R.* (1990). The Comparative Survey of Freedom: Experiences and Suggestions // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 25. № 1. P. 25–50.
- Gel'man V.* (2014). The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. № 4. P. 503–522.
- Gollwitzer H.* (1987). The Caesarism of Napoleon III as Seen by Public Opinion in Germany // *Economy and Society*. Vol. 16. № 3. P. 357–404.
- Golosov G.* (2011). The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 4. P. 623–639.
- Green J.* (2010). *The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship*. Oxford: Oxford University Press.
- Hazareeigh S.* (2004). Bonapartism as the Progenitor of Democracy: The Paradoxical Case of the French Second Empire // *Baehr P., Richter M.* (eds.). *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 129–154.
- Högström J.* (2013). Does the Choice of Democracy Measure Matter? Comparisons between the Two Leading Democracy Indices, Freedom House and Polity IV // *Government and Opposition*. Vol. 48. № 2. P. 201–221.
- Huntington S.* (1991). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Illés G., Gyulai A., Köröseyi A.* (2020). *The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making*. London: Routledge.
- Jagers K., Gurr T. R.* (1995). Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // *Journal of Peace Research*. Vol. 32. № 4. P. 469–482.
- Jung O.* (1994). *Grundgesetz und Volksentscheid: Gründe und Reichweite der Entscheidungen des Parlamentarischen Rats gegen Formen direkter Demokratie*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Kalyvas A.* (2007). The Tyranny of Dictatorship: When the Greek Tyrant Met the Roman Dictator // *Political Theory*. Vol. 35. № 4. P. 412–442.
- Levitsky S., Way L.* (2002). The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2. P. 51–65.
- Levitsky S., Way L.* (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Linz J.* (1990). The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. Vol. 1. № 1. P. 51–69.

- Linz J.* (2000). *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. London: Boulder.
- Mackie G.* (2009). Schumpeter's Leadership Democracy // *Political Theory*. Vol. 37. № 1. P. 128–153.
- Manin B.* (1995). *The Principles of Representative Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Medearis J.* (2001). *Joseph Schumpeter's Two Theories of Democracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mommsen W.* (1974). *Max Weber und die deutsche Politik, 1890–1920*. Tübingen: Mohr/Siebeck.
- Morgenbesser L.* (2016). *Behind the Façade: Elections under Authoritarianism in South-east Asia*. Albany: SUNY Press.
- Munck G., Verkuilen J.* (2002). Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices // *Comparative Political Studies*. Vol. 35. № 1. P. 5–34.
- O'Donnell G.* (1994). Delegative Democracy // *Journal of Democracy*. Vol. 5. № 1. P. 55–69.
- Özbudun E.* (2014). AKP at the Crossroads: Erdoğan's Majoritarian Drift // *South European Society and Politics*. Vol. 19. № 2. P. 155–167.
- Pakulski J., Köröseyi A.* (2012). *Toward Leader Democracy*. London: Anthem Press.
- Przeworski A.* (1999). Minimalist Conception of Democracy: A Defense // *Shapiro I., Hacker-Cordón C.* (eds.). *Democracy's Value*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 23–55.
- Richter M.* (2004). Tocqueville and French Nineteenth-Century Conceptualizations of the Two Bonapartes and Their Empires // *Baehr P., Richter M.* (eds.). *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 83–102.
- Riker W.* (1988). *Liberalism Against Populism: A Confrontation Between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*. Long Grove: Waveland Press.
- Romieu A.* (1850). *L'ère des Césars*. Paris: Ledoyen.
- Rosanvallon P.* (1992). *Le sacre du citoyen: histoire du suffrage universel en France*. Paris: Gallimard.
- Rosanvallon P.* (2015). *Le bon gouvernement*. Paris: Seuil.
- Roscher W.* (1888). *Umriss zur Naturlehre des Cäsarismus*. Leipzig: Hirzel.
- Scheuerman W.* (2020). *The End of Law: Carl Schmitt in the Twenty-First Century*. London: Rowman and Littlefield.
- Schmitt C.* (1932). *Legalität und Legitimität*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2008). *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2014). *Volksentscheid und Volksbegehren*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitter P., Karl T.* (1991). What Democracy Is... and Is Not // *Journal of Democracy*. Vol. 2. № 3. P. 75–88.
- Schmitter P., Karl T.* (1994). The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. Vol. 53. № 1. P. 173–185.

- Skinner Q.* (1973). The Empirical Theorists of Democracy and Their Critics: A Plague on Both Their Houses // *Political Theory*. Vol. 1. № 3. P. 287–306.
- Stanton T.* (2016). Popular Sovereignty in an Age of Mass Democracy: Politics, Parliament and Parties in Weber, Kelsen, Schmitt and Beyond // *Bourke R., Skinner Q.* (eds.). *Popular Sovereignty in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 320–358.
- Vale G.* (2020). Digital Revolution, the Crisis of Representation and the Future of Democracy // *Brändli A., Vale G.* (eds.). *Going Digital? Citizen Participation and the Future of Direct Democracy*. Basel: Schwabe Verlag. P. 13–26.
- Weber M.* (1976). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr/Siebeck.
- Zakaria F.* (2003). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: Norton & Company.

Russia as a Plebiscitary Democracy

Greg Yudin

Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Center for Research in Contemporary Politics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Professor, Moscow School of Social and Economic Sciences

E-mail: gregloko@yandex.ru

Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571

Electoral procedures, such as elections, voting, or opinion polling, play a pivotal role in the Russian political system. A theoretical problem for contemporary political science arises; how can this proactive recourse to the popular voice coexist with the obvious depoliticization and concentration of personal power? Describing the Russian political regime as intermediary and inferior as opposed to full democracies cannot account for its electoral enthusiasm nor its robustness and endurance. This paper reverts to the plebiscitarian theory of democracy to address these issues. Combining monarchical power with universal suffrage created the political system of the Second Empire in France, and was later thoroughly theorized in Germany during the years of the Weimar Republic. Plebiscitary democracy produces direct democratic legitimacy for a strong leader while severely reducing the role of the masses under a drastic and rapid extension of suffrage. This paper identifies key principles as well as the main contradictions of plebiscitarian regimes. Additionally, it demonstrates that the plebiscitarian ideas proposed by Max Weber and Carl Schmitt have affected the minimalist definition of democracy espoused by Joseph Schumpeter, and therefore keeps enjoying a wide influence in political science. In identifying democracy with elections, the minimalist view promotes the electoralization of political regimes and favors the contemporary rise of plebiscitarianism. The paper considers present-day Russia as a radical case of plebiscitarian politics and traces some of its key developments.

Keywords: plebiscitary democracy, Max Weber, Carl Schmitt, Napoleon III, Joseph Schumpeter, dictatorship, minimal democracy, legitimacy, Caesarism, acclamation, Russia

References

- Baehr P. (1989) Weber and Weimar: The "Reich President" Proposals. *Politics*, vol. 9, no 1, pp. 20–25.

- Baehr P. (2008) *Caesarism, Charisma and Fate. Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber*, New Brunswick: Transaction.
- Bonaparte N.-L. (1839) *Des idées napoléoniennes*, Paris: Paulin.
- Brancati D. (2014) Democratic Authoritarianism: Origins and Effects. *Annual Review of Political Science*, vol. 17, pp. 313–326.
- Bryce J. (1995) *The American Commonwealth, Vol. 2*, Indianapolis: Liberty Fund.
- Buchstein H. (2004) Online Democracy, Is it Viable? Is it Desirable? Internet Voting and Normative Democratic Theory. *Electronic Voting and Democracy: A Comparative Analysis* (eds. N. Kersting, H. Baldersheim), London: Palgrave Macmillan, pp. 39–58.
- Carothers T. (1997) Democracy without Illusions. *Foreign Affairs*, vol. 76, no 1, pp. 85–99.
- Carothers T. (2002) The End of Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, vol. 13, no 1, pp. 5–21.
- Chechel I. (2013) Vremya, vpered? Preambula k diskussii o “podavlyayuschem bolshinstve” [Time, Ahead? Preamble to the Discussion on “Overwhelming Majority”]. *Gefter: Online Journal*. Available at: <http://gefter.ru/archive/9447> (accessed 16 March 2021).
- Constitutional Court of the Russian Federation (2020) Zakljuchenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii o sootvetstvii polozhenijam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshih v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii “O sovershenstvovanii regulirovaniya ot del’nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti”, a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii porjadka vstuplenija v silu stat’i 1 dannogo Zakona v svjazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16 marta 2020 g. № 1-Z [The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Provisions of the Statute of Russian Federation on the Amendment to the Constitution of Russian Federation “On Improvement of Regulation of Some Questions of Organization and Functioning of Public Power” In Their Compliance to the Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of Russian Federation, and on Compliance of the Order of Coming into Effect of Article 1 of the Aforementioned Statute to the Constitution of Russian Federation, Made on the Request of the President of Russian Federation from March 16, 2020, no 1-Z].
- Crook M. (2003) Confidence from Below? Collaboration and Resistance in the Napoleonic Plebiscites. *Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe* (ed. M. Rowe), London: Palgrave Macmillan, pp. 19–36.
- de la Borderie A. (1867) *Les élections départementales de 1867. Lettres à un électeur*, Rennes.
- Diamond L. (2002) Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, vol. 13, no 2, pp. 21–35.
- Easter G. (1997) Preference for Presidentialism: Postcommunist Regime Change in Russia and the CIS. *World Politics*, no 49, pp. 184–211.
- Eliaeson S. (2000) Constitutional Caesarism: Weber’s Politics in Their German Context. *The Cambridge Companion to Weber* (ed. S. Turner), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 131–150.
- Fedorov V. (2010) *Russkii Vybor: vvedenie v teoriyu elektoralnogo povedeniya rossijan* [Russian Choice: Introduction to the Theory of Electoral Behavior of Russians], Moscow: Praxis.
- Fedorov V. (2013) Ot plebistsita — k vyboram? Vybornyi tsikl 2011–2012 gg. i perspektivy evolyutsii rossijskoj politii [From Plebiscite to Elections? The Electoral Cycle of 2011–2012 and Prospects of Evolution of Russian Polity]. *Ot plebistsita — k vyboram: kak i pochemu rissoiyane golosovali na vyborah 2011–2012 gg.* [From Plebiscite to Elections: How and Why Russian Voted in 2011–2012 Elections] (ed. V. Fedorov), Moscow: Praxis, pp. 469–482.
- Fedorov V. (2018) Plebistsitarnaya demokratiya v epohu “postkrymskogo konsensusa” [Plebiscitary Democracy in the Age of “Post-Crimean Consensus”]. *Vybory na fone Kryma: elektoralnyi tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections on Crimean Background: The Electoral Cycle of 2016–2018 and the Prospects of Political Transition] (ed. V. Fedorov), Moscow: VCIOM, pp. 278–284.
- Gallup G., Rae S. F. (2017) *Pul’s demokratii* [The Pulse of Democracy], Moscow: VCIOM.
- Gandhi J., Lust-Okar E. (2009) Elections under Authoritarianism. *Annual Review of Political Science*, vol. 12, pp. 403–422.
- Gastil R. (1990) The Comparative Survey of Freedom: Experiences and Suggestions. *Studies in Comparative International Development*, vol. 25, no 1, pp. 25–50.

- Gel'man V. (1997) "Transition" po-russki: kontseptsii perehodnogo perioda i politicheskaya transformatsiya v Rossii (1989–1996) ["Transition" a la Russe: Conceptions of transitional stage and political transformation in Russia (1989–1996)]. *Obschestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no 4, pp. 64–81.
- Gel'man V. (2014) The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 22, no 4, pp. 503–522.
- Gollwitzer H. (1987) The Caesarism of Napoleon III as Seen by Public Opinion in Germany. *Economy and Society*, vol. 16, no 3, pp. 357–404.
- Golosov G. (2011) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 4, pp. 623–639.
- Green J. (2010) *The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship*, Oxford: Oxford University Press.
- Hazareeigh S. (2004) Bonapartism as the Progenitor of Democracy: The Paradoxical Case of the French Second Empire. *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism* (eds. P. Baehr, M. Richter), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 129–154.
- Högström J. (2013) Does the Choice of Democracy Measure Matter? Comparisons between the Two Leading Democracy Indices, Freedom House and Polity IV. *Government and Opposition*, vol. 48, no 2, pp. 201–221.
- Huntignton S. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Norman: University of Oklahoma Press.
- Illés G., Gyulai A., Körösenyi A. (2020) *The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making*, London: Routledge.
- Jagers K., Gurr T. R. (1995) Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research*, vol. 32, no 4, pp. 469–482.
- Jung O. (1994) *Grundgesetz und Volksentscheid: Gründe und Reichweite der Entscheidungen des Parlamentarischen Rats gegen Formen direkter Demokratie*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Kalyvas A. (2007) The Tyranny of Dictatorship: When the Greek Tyrant Met the Roman Dictator. *Political Theory*, vol. 35, no 4, pp. 412–442.
- Levitsky S., Way L. (2002) The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, vol. 13, no 2, pp. 51–65.
- Levitsky S., Way L. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Linz J. (1990) The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*, vol. 1, no 1, pp. 51–69.
- Linz J. (2000) *Totalitarian and Authoritarian Regimes*, London: Boulder.
- Lippman W. (2004) *Obschestvennoe mnenie* [Public Opinion], Moscow: FOM.
- Mackie G. (2009) Schumpeter's Leadership Democracy. *Political Theory*, vol. 37, no 1, pp. 128–153.
- Magun A. (2020) Zondazh bogonostsa [The Poll of the God-bearer]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 409–425.
- Manin B. (1995) *The Principles of Representative Government*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Marx K. (1957) 18 bryumera Lui Bonaparta [The 18th Brumaire of Louis Bonaparte]. Marx K., Engels F., *Sochineniya*, T. 2 [Writings, Vol. 2], Moscow: Politizdat, pp. 115–217.
- Matveev I. (2017) Konec "stabil'nosti": politicheskaja jekonomija peresekajushhihsja krizisov v Rossii s 2009 goda [The End of "Stability": Political Economy of Overlapping Crises in Russia From 2009]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 2, pp. 29–53.
- Medearis J. (2001) *Joseph Schumpeter's Two Theories of Democracy*, Cambridge: Harvard University Press.
- Medushevsky A. (2001). Bonapartistskaya model vlasti dlya Rossii [Bonapartist Model of Power for Russia]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], no 1, pp. 28–49.
- Migranyan A. (1989) Plebistsitarnaya teoriya demokratii Maksa Vebera I sovremennyi politicheskii protsess [Max Weber's Plebiscitary Theory Of Democracy and Contemporary Political Process]. *Voprosy Filosofii*, no 6, pp. 148–158.
- Mommsen T. (1941) *Istoriya Rima*. T. 3 [History of Rome, Vol. 3], Moscow: Gospolitizdat.
- Mommsen W. (1974) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890–1920*, Tübingen: Mohr/Siebeck.

- Morgenbesser L. (2016) *Behind the Façade: Elections under Authoritarianism in Southeast Asia*, Albany: SUNY Press.
- Munck G., Verkuilen J. (2002) Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices. *Comparative Political Studies*, vol. 35, no 1, pp. 5–34.
- O'Donnell G. (1994) Delegative Democracy. *Journal of Democracy*, vol. 5, no 1, pp. 55–69.
- Ostrogorsky M. (1997) *Demokratiya i politicheskie partii* [Democracy and Political Parties], Moscow: ROSSPEN.
- Özbudun E. (2014) AKP at the Crossroads: Erdoğan's Majoritarian Drift. *South European Society and Politics*, vol. 19, no 2, pp. 155–167.
- Pakulski J., Körösiényi A. (2012) *Toward Leader Democracy*, London: Anthem Press.
- Polyakov L. (2015) Elektoralnyi avtoritarizm i rossiiskii sluchai [Electoral Authoritarianism and the Russian Case]. *Politeia*, no 2, pp. 6–20.
- Popper K. (1992) *Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 1* [Open Society and Its Enemies, Vol. 1], Moscow: Feniks.
- Przeworski A. (1999) Minimalist Conception of Democracy: A Defense. *Democracy's Value* (eds. I. Shapiro, C. Hacker-Cordón), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 23–55.
- Richter M. (2004) Tocqueville and French Nineteenth-Century Conceptualizations of the Two Bonapartes and Their Empires. *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism* (eds. P. Baehr, M. Richter), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 83–102.
- Riker W. (1988) *Liberalism Against Populism: A Confrontation Between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*, Long Grove: Waveland Press.
- Romieu A. (1850) *L'ère des Césars*, Paris: Ledoyen.
- Rosanvallon P. (1992) *Le sacre du citoyen: histoire du suffrage universel en France*, Paris: Gallimard.
- Rosanvallon P. (2015) *Le bon gouvernement*, Paris: Seuil.
- Roscher W. (1888) *Umriss zur Naturlehre des Cäsarismus*, Leipzig: Hirzel.
- Scheuerman W. (2020) *The End of Law: Carl Schmitt in the Twenty-First Century*, London: Rowman & Littlefield.
- Schmitt C. (1932) *Legalität und Legitimität*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology], Moscow: Kanon-Press-C.
- Schmitt C. (2008) *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2010) Uchenie o konstitutsii (fragment) [Constitutional Theory (A Fragment)]. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The State and the Political Form], Moscow: HSE, pp. 33–236.
- Schmitt C. (2014) *Volksentscheid und Volksbegehren*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitter P., Karl T. (1991) What Democracy Is . . . and Is Not. *Journal of Democracy*, vol. 2, no 3, pp. 75–88.
- Schmitter P., Karl T. (1994) The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? *Slavic Review*, vol. 53, no 1, pp. 173–185.
- Schumpeter J. (2008) Kapitalizm, sotsializm, demokratiya [Capitalism, Socialism, Democracy]. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: kapitalizm, sotsializm, demokratiya* [Theory of Economic Development: Capitalism, Socialism, Democracy], Moscow: Eksmo, pp. 363–824.
- Skinner Q. (1973) The Empirical Theorists of Democracy and Their Critics: A Plague on Both Their Houses. *Political Theory*, vol. 1, no 3, pp. 287–306.
- Stanton T. (2016) Popular Sovereignty in an Age of Mass Democracy: Politics, Parliament and Parties in Weber, Kelsen, Schmitt and Beyond. *Popular Sovereignty in Historical Perspective* (eds. R. Bourke, Q. Skinner), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 320–358.
- Urbinate N. (2016) *Iskazhennaya demokratiya: mnenine, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Uvarova M. (2014) *Koronovannaya demokratiya: Frantsiya i reformy Napoleona III v 1860-e gg.* [Crowned Democracy: France and Napoleon III's Reforms in 1860s], Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy.
- Vale G. (2020) Digital Revolution, the Crisis of Representation and the Future of Democracy. *Going Digital? Citizen Participation and the Future of Direct Democracy* (eds. A. Brändli, G. Vale), Basel: Schwabe Verlag, pp. 13–26.

- Weber M. (1976) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr/Siebeck.
- Weber M. (1990) Politika kak prizvanie i professiya [Politics as Vocation]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings], Moscow: Progress, pp. 644–706.
- Weber M. (2003) Natsionalnoye gosudarstvo i narodnohozyaistvennaya politika [National State and National Economic Policy]. *Politicheskie raboty* [Political Works], Moscow: Praxis, pp. 7–39.
- Weber M. (2003) Reihspresident [Reichspräsident]. *Politicheskie raboty* [Political Works], Moscow: Praxis, pp. 399–403.
- Yudin G. (2014) Eksperiment pod vneshnim upravleniem: ritorika i reprezentatsiya krymskogo megaoprosa [An Experiment Under External Control: Rhetorics and Representation in Crimean Mega-Poll]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 2, pp. 53–56.
- Yudin G. (2020) *Obschestvennoe mnenie, ili Vlast tsifr* [Public Opinion; or, The Power of Numbers], Saint Petersburg: European University Press.
- Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*, New York: Norton & Company.